

Прошлое и будущее русского публичного языка¹

(глава из книги "Синдром публичной немоты": Прошлое и настоящее российского публичного языка. / Ред. Н. Вахтин, Б.Фирсов, forthcoming)

В 2011 году мы опубликовали книгу, которая заканчивалась предложением посмотреть, насколько в России можно было бы выработать публичный язык (Хархордин, ред. 2011). Как показало тогда исследование Бориса Гладарева и обсуждения вокруг него, группы современного гражданского общества (например, петербургское движение “Живой город”) многим отличались от их предшественников времен перестройки (например, от Группы Спасения, которая в Ленинграде в 1986 году вышла на защиту “Англетерра” и дома Дельвига от сноса), но у них оставалось одна общая черта. Они были неспособны и тогда и сейчас обсуждать свои проблемы на языке, который не был бы либо интенсивно-личностным, как язык постов в интернете и Facebook, либо языком официальных решений правительства (городского, регионального или федерального уровней). Между языком дружбы-ненависти и неэмоциональным канцеляритом не существовал регистр публичного языка, который позволил бы группе быстро и эффективно придти к суждению и том, что она, во-первых, хочет, а, во-вторых, что и как будет делать (см. главу 6 данной книги).

Учитывая, что с подобными проблемами сталкивались люди в других странах и успешно решали их, наша книга среди прочего кончалась призывом взять учебник парламентской процедуры (или его американскую адаптацию для ассоциаций гражданского общества) и приспособить перевод этого учебника к нуждам современной России (Хархордин 2011: 525). Однако обсуждения во время конференции по публичному языку в России в январе 2013 года заставили меня поменять свое мнение. Я все так же думаю, что перевести такой краткий учебник парламентской процедуры и обкатать его на фокус-группах потенциальных пользователей было бы полезно. Вдруг этот эксперимент по кросс-культурному переводу позволит нам заметить что-то, что мы пока не замечаем в своей жизни? Да и про другие страны Европы и Северной Америки мы поняли бы больше.

Но, учитывая, что подобные попытки перевода уже делались, и не привели к успеху, мне теперь кажется более перспективным разработать свой российский учебник процедур публичного языка – а) на основании тех попыток, что уже предпринимались в этом направлении в прошлом, и б) с учетом тех широко распространенных и в основном неотрефлексированных навыков ведения собрания и выступления на нем, с которыми столкнется этот учебник, когда будет предложен любой группе, желающей с его помощью использовать регистр публичного языка. И, чтобы его разработать, надо лучше знать, как мы ведем собрания сейчас; это во многом еще только предстоит исследовать.

---

¹ Я прежде всего благодарен Александру Семенову, который привлек мое внимание к Наказам ГосДумы, и Борису Фирсову, который заставил меня дописать этот текст. В работе над ним мне помогли советом Марио Бьяджоли, Николай Вахтин, Владимир Гельман, Борис Колоницкий, Мэри Маколи, Екатерина Правилова, Питер Ратленд, Билл Розенберг, Александр Саврасов, Майкл Урбан, Капитолина Федорова, Сергей Яров. Естественно, оставшиеся огрехи текста есть дело рук автора, а не их.

В этой главе я вначале расскажу о становлении языка публичной дискуссии в Америке и Западной Европе, потом – о прежних попытках адаптации подобных практик в России (и прежде всего о том наборе процедур ведения дискуссии, который был предложен первым Думам Российской империи), и в конце рассмотрю вопрос, насколько современное российское общество может принять и освоить подобные процедуры.² Попутно нужно будет посмотреть, что большевики и советские люди сделали с правилами ведения таких дискуссий, так как это, возможно, до сих пор неосознанно определяет наши смутные представления о том, что такое хорошо или успешно проведенное собрание.

Правила майора-полковника-генерала Роберта

Часто люди не знают правил, по которым они живут – как рыбы не замечают воды, в которой плавают. В случае с правилами, собранными в книжке под названием *Robert's Rules of Order* это примерно так и есть. Если спросить многих американцев, когда они впервые узнали об этих правилах, или когда стали им следовать – они отшутятся, что это было в детском саду или средней школе, но не помнят, когда точно. Мало кто из них читал полную версию этого справочника с начала до конца, хотя многие видели краткую версию этой книги в руках председателей различных школьных, университетских или гражданских ассоциаций, проводивших собрания. Многие из них думали о том, что надо бы купить совсем простое издание под названием *Robert's Rules for Dummies* – “Справочник Роберта для начинающих”, т.е. для неумёх и чайников, если переводить последнее слово в заглавие более точно.

Robert's Rules of Order Newly Revised (сокращенно эта книга обозначается обычно как RONR, см. Robert 2012) вышла уже в 11 издании после своего первоначального появления в 1876 году, и представляет из себя аккуратный кирпичик в 816 страниц, который можно при желании даже попытаться засунуть в карман. По обычным оценкам, до 2/3 или 3/4 ассоциаций гражданского общества в США используют его как стандартный справочник по процедурам, применяемым при обсуждении группой своих целей, принятии коллективных решений, голосовании и т.п. В уставах ассоциаций, таким образом, все эти процедуры не прописываются, но в них просто включается строчка – “Данное общество/ассоциация/группа для ведения своих обсуждений и дел пользуется 9-м (или 10-м, или 11-м) изданием RONR”. В результате, если возникают споры по поводу того, справедливо ли идет обсуждение на данном собрании, насколько председатель использует свою позицию, чтобы продавить нужные ему решения, или использует ли большинство свою силу, чтобы заткнуть рот меньшинству, то такие споры будут решаться через отсылку к этим правилам и в соответствии с ними.

Сам Генри Мартин Роберт задумал написать такой учебник процедуры групповых обсуждений, когда бы еще майором в армии северян во время Гражданской войны в США. Первый раз он столкнулся с собственным незнанием того, как нормально провести такое обсуждение, в 1863 году, когда в Бедфорде, штат Массачусеттс, ему надо было провести

² Конечно, для этого стоило бы проанализировать и батальи по регламенту и правилам ведения дискуссии во время перестройки – например, в Ленсовете, где одно время в течение двух с лишним месяцев даже не было постоянного председателя! Но рамки отдельной главы не позволяют это сделать; да и опыт этот, как кажется, не вылился во что-то подобное Наказу ГосДумы, и был забыт после 1993 г.

собрание городской общины на тему, что делать, если будет атака конфедератов с моря. После собрания, шедшего в течение 14 часов, майор вышел с желанием никогда больше не браться за проведение подобных собраний без знания парламентской процедуры (Robert 2012: XL). После войны он активно участвовал в приходской жизни протестантских общин, посещал собрания и гражданских ассоциаций – и в 1867 году, будучи направлен в Сан-Франциско, вдруг оказался в городе, где собрались люди с совершенно разными религиозным и этно-национальным опытом (этот город в то время был средоточием очень разнородных переселенцев). В такой ситуации ему захотелось написать учебник общей для всех процедуры групповых обсуждений, чтобы все могли найти общее основание для дебата, не считая, что их религиозные или этнонациональные привычки являются единственно возможными. Под руками у него, конечно, было описание правил ведения дискуссий и парламентской процедуры, написанное в 1801 году президентом Джефферсоном для Сената США (Jefferson 1813) а также описание британской парламентской процедуры Эрскина Мэя, впервые вышедшее в 1844 году (May 1844); сейчас британцы пользуются уже 24 изданием этой книги – но Роберт хотел "приземлить" и упростить подобные правила для их использования любой группой граждан, собравшихся что-то сделать вместе.

Первое издание 4,000 экземпляров книги в 1876 году ему пришлось профинансировать самому. Но оно разошлось так быстро, что Роберт понял, что это может стать делом его жизни. До Роберта в Америке была еще одна попытка упростить парламентскую процедуру для использования её собраниями, не имеющих своими целями законодательство. Это была изданная в 1845 году книга секретаря массачусеттской Палаты представителей (Cushing 1845). Кашинг думал, что он даст базовые правила, которые потом будут адаптированы любой местной ассоциацией к своим целям – например, к борьбе с алкоголизмом, организации образования или здравоохранения, защите животных, и т.п. Но практика показала, что редко кто имел время для такой адаптации. Книга Роберта, наоборот, дала законченный продукт, который можно было применять сразу. Популярность книги породила бесконечную переписку между автором и читателями-пользователями, и Роберт (уже генерал на пенсии) решил подправить свой справочник в 1912 году – так, чтобы учесть все прецеденты использования правил на практике. Новое исправленное издание (1915) было вчетверо больше издания 1893 года (Robert 2012: XXXVIII-XLV). Исправленное издание прежде всего ориентировалось на 35 лет практики повседневных споров различных обыденных собраний по всей Америке, а не на высокие парламентские стандарты Джефферсона или Мэя. Это издание и переиздается наследниками и продолжателями дела Роберта до сих пор, учитывая новые случаи его применения. Сейчас есть и попытки адаптировать RONR к обсуждениям по emailу, к телефонным и видеоконференциям, и т.п.

Особенности процедуры RONR

Некоторые детали процедуры, рекомендованной RONR, настолько удивительны для русского читателя, привыкшего к процедуре “слушали-постановили”, которая досталась в наследство современной России от партийных, профсоюзных, комсомольских и пионерских собраний советской эпохи, что их следует отметить сразу же. Во-первых, председатель собрания, как правило, не голосует. Это – следствие желания поддерживать равенство всех

участвующих в обсуждении. Ему разрешается голосовать только в виде исключения, например, если идет закрытое голосование, или если открытое голосование выявило равенство голосов “за” и “против”, т.е. его голос может вывести ситуацию из патового состояния (Robert 2004: 69).³ Во-вторых, в практике англоамериканских собраний есть обязательная стадия *seconding* – что удивляет любого русскоязычного человека, впервые попавшего на собрание, идущее по англо-американской процедуре. После того, как кто-то предлагает группе предпринять какое-либо действие, это предложение не будет обсуждаться или ставиться на голосование, если кто-то еще из членов группы не скажет, что он поддерживает его, “I second it!” – буквально: “я ему вторю”. Поддержка в виде *seconding* “показывает, что как минимум два члена группы хотят, чтобы предложение было рассмотрено; она не обязательно означает, что поддерживающий согласен с самим предложением. Если нет такой поддержки [в виде *seconding*], то предложение не ставится на групповое обсуждение или голосование.” (Ibid.: 21) Учитывая количество раз, когда американцам приходится говорить “I second!” во время одного заседания, это регулярно повторяющаяся фраза задает определенный ритм и безмерно удивляет русского, не знакомого с RONR: чему они здесь постоянно хотят вторить? Фильтр же этот нужен для того, чтобы группа не была вынуждена обсуждать любое, самое абсурдное предложение, идущее от одного из ее членов.⁴

Есть еще несколько черт RONR, кажущихся обычному человеку, выросшему в России, если не странными, то избыточными. Например, RONR вводит специальные стандарты вежливости. Членам группы при выступлениях запрещается обращаться друг к другу; каждый выступающий обращается только к председательствующему. Даже если вы хотите узнать детали состояния бюджета вашего общества, вы не обращаетесь к казначею группы напрямую, а тянете руку или встаете, и когда председатель разрешает вам говорить, говорите: “Господин председательствующий, не могли бы Вы попросить казначея нашего общества привести данные о состоянии счетов на нынешний день?” Также запрещается, насколько это возможно, упоминать в своих выступлениях имена других членов группы. Вместо этого предлагается говорить “только что выступавший” или “вот тот джентльмен в первом ряду справа”. Дело в том, что RONR требует, чтобы обсуждались предложения, а не люди, их вносящие, так как это может привести к сколке. По этой же причине вместо сильной риторики – слов типа “ложь”, “подлость”, “обман” – требуется оформить даже свои бушующие эмоции в форму типа “Господин председательствующий, мне кажется, что данные, на которых основано предыдущее выступление – ошибочны” (Ibid.: 31).

Есть ограничения, которые вводятся в дебат для обеспечения сбалансированности процедуры обсуждения. Во-первых, никто не может выступать более, чем 2 раза по одному вопросу, и каждый раз не более 10 минут. Во-вторых, председательствующему предлагается

³ Я, как и десятки тысяч других неизощренных пользователей RONR, буду в этом тексте опираться на сокращенную версию (Robert 2004), обычно обозначаемую как RONRIB. Исчерпывающее описание всех правил надо конечно же смотреть в полной версии справочника Роберта; так, перечень всех ситуаций, когда председатель может голосовать, дан в RONR (Robert 2012: 405-406).

⁴ Конечно, есть и вопросы, которые не требуют процедуры *seconding*. См. их список в Robert 2012: t40-41 (“t” значит, что эта одна из крашенных (*tinted*) страниц обобщающих таблиц в конце книги).

заранее узнавать мнения тех, кто будет выступать за или против дебатлируемого предложения и чередовать выступления за и против (Ibid.: 29–30).

Есть и ограничения, которые нужны для того, чтобы группа шла по намеченному пути, и не отклонялась от порядка намеченных обсуждений. Например, если кто-то нарушает повестку дня, или нарушает правила выступлений, любой член группы может вне очереди записавшихся на выступления встать и сказать: “A point of order! Нарушение порядка!” Председательствующий тогда обязан попросить его пояснить, в чем состоит нарушение. Если председательствующий согласен с пояснением, он исправляет нарушение. Если председательствующий несогласен, он выносит публичный вердикт, что замечание о нарушении порядка было сделано неправильно. Член группы тогда может обжаловать решение председательствующего перед всеми, заявив “У меня апелляция к группе по поводу действий председателя собрания!” Если он не один требует апелляции, и кто-то еще делает *seconding*, то тогда открывается дебат по поводу действий председательствующего, причем каждый имеет право выступить здесь только один раз, а председательствующий – два: например, сначала для пояснения своих действий, и в конце, для подытоживания обсуждения. Однако дебат о действиях председателя не открывается, и апелляция сразу выносится на голосование, в тех случаях, когда вопрос касается а) правил декорума (вежливости, пристойности) или соблюдения порядка выступлений, б) нарушений в повестке дня, в) других тем, которые в соответствии с RONR должны не обсуждаться, а сразу голосоваться (так называемые *undebatable questions*⁵). Все это делается, так как решение принадлежит всей группе, а не председательствующему на данном собрании. И хотя председательствующему на время вверили право интерпретировать правильность применения правил, все равны, и группа, а не отдельный человек, является верховным арбитром (Robert 2004: 90–91; Robert 2012: 255–257).

Откуда взялся этот детальный – или даже, как кажется с точки зрения русскоязычного читателя, избыточно детализованный и зарегулированный – набор правил, и почему кажется, что люди будут ему следовать? Ответом являются века практики разрешения публичных конфликтов, которые возникают в процессе совместного обсуждения подобных вопросов. Например, предисловие к RONR вообще отсылает к тому, что надо начинать с первых лет существования английского парламента, например, с 1275 года, когда не только лорды, но и простолюдины под названием Commons, т.е. “общины”, впервые были включены в него. Но если не идти так далеко в поиске мифических корней, то можно предположить, что избыточная вежливость – следствие того, что в эмоциональных обсуждениях часто, слишком часто, люди переходят на личности, и это может привести к насилию или даже к вооруженному конфликту – как видно, например, из правил Палаты лордов, которая давно запретила упоминание в речах одного члена Палаты имени другого члена, чтобы не приводить к стычкам. Причина объясняется так: “Накал его собственных чувств может предательски заставить его употреблять скорые и неосмотрительные выражения, которые возбуждение его противников еще и преувеличит. Потому нельзя быть слишком осторожным в удерживании себя внутри рамок, установленным Парламентом.

⁵ См. их список в Robert 2012: t42.

Приписывание другому дурных мотивов или мотивов, отличающихся от тех, что заявлены, искажение слов другого или обвинение его, в свою очередь, в таком искажении, обвинение другого в лжи или обмане, презрительные или оскорбительные слова – всё это не является парламентским поведением, и требует быстрого вмешательства.” Если этого не делать, то члены как Палаты Лордов, так и Палаты общин могли схватиться в рукопашной. Мэй говорит нам, что в 1766 году Палата лордов потребовала от герцога Ричмондского и графа Чэтемского, чтобы они дали слово чести, что не будут сражаться вне стен Парламента после обидных слов одного другому, а в 1780 г. узнав, что граф Помфрет послал вызов на дуэль герцогу Графтону (хотя якобы и по поводу, не связанному с Парламентом), Палата посчитала Помфрета виновным в “высоком оскорблении Палаты” и заключила графа в Тауэр (May 1844: 205–206).

Запрет на подобные действия, по мнению Мэя, принят отдельным решением Палаты лордов уже в 1626 году. Но мы находим похожую практику и в тексте, который считается первым более или менее подробным описанием деталей работы английского парламента – т.е. в книге аристократа елизаветинской эпохи сэра Томаса Смита *De Re Publica Anglorum* (1583). Там говорится: “Нельзя использовать никакие оскорбительные или колющие слова. Потому что иначе вся Палата закричит, а это против порядка. А если кто-то говорит неуважительно или мятежно против короля или его близкого совета, то я видел, как таких не только прерывают, но передают дело Палате, и их посылают в Тауэр. Так что в таком скоплении народа и при таком расхождении в умах и мнениях, есть большая скромность и сдержанность используемой речи. Тем не менее, очень сладкими и мягкими словами они представляют свои мнения друг против друга в наиболее сильной и неистовой манере – как они и могут это делать в обычной жизни, если бы не было неотложных причин и ограничений во времени” (Smith 2013: 55–56).⁶ Первая кодификация подобных практик и правил была выполнена в *Lex Parliamentaria*, английском документе 1690 года, который, например, приводил на тему перехода в прениях на личности следующее решение Палаты общин от 10 апреля 1604 года: “Кто отклоняется от материи обсуждения и обрушивается на личность, должен быть подавлен Спикером.” (G.P. 1690: 157).⁷ Джефферсон, который очень любил впоследствии пользоваться этой книжкой при составлении своего свода правил парламентской процедуры, приводит и латинский эквивалент ключевых слов этого решения: *Qui digreditur ad materia a Personam* (Jefferson 1813: 47–48).

Но все эти далекие от обычной русской реальности материи исчезают, когда мы смотрим на правила, которые RONR авторизует для ведения дебата в малой группе – т.е. когда она насчитывает меньше 12-15 человек. Тут мы приходим к практике, которая нам во многом знакома по нашим интуициям по поводу того, как делается “слушали-постановили”. Дело в том, что RONR считает, что все сложности и детали полномасштабной процедуры надо вводить с того момента, как группа превысит 12-15 человек, а если она меньше – например,

⁶ Интересно, что через 5 лет после публикации этой книги член английского парламента Джайлз Флетчер совершил путешествие в Россию в 1588 году и написал по модели Смита трактат *Of the Russe Commonwealth* (1591), где описал *Zabore* (собор) при дворе московских царей, и пришел к выводу, что правление царей – *plain tyrannical*, чисто тираническое – см. (Fletcher 1966: 45, 49).

⁷ Авторство этого сборника обычно приписывалось George Petyt; теперь многие считают автором George Philips.

на заседании бюро какой-либо организации или ее подкомитета – то там правила упрощаются (Robert 2004: 4, 158, 162). На таких собраниях председатель получает право голосования и право внесения предложений; не требуется (но может сохраняться, при желании) *seconding*; член группы может выступать на обсуждении несколько раз; и голосовать можно поднятием руки, а не вставанием, как в больших собраниях. Видно, что здесь главное – детальное обсуждение; и, видимо, предполагается, что доклад комитета или бюро потом будет предложен общему собранию, где будет жестко соблюдена парламентская процедура, и его потенциально могут разобрать на косточки. Потому есть некоторые гарантии безопасности от монополизации власти в обсуждении, нарушения правил дебата, тирании большинства или перехода на личности.

Для русского же наблюдателя может показаться: вот он секрет проблем с нашими обсуждениями в стиле ”слушали-постановили”! Как только мы все собрания начинаем вести теми методами, кои авторизованы англо-американской парламентской процедурой только для супер-малых групп или для бюро или для подкомитетов, то мы и получаем такие перегибы, как монополизацию власти председательствующим или бюро, зажимание ртов меньшинству, эмоционально-обвинительные речи с переходом на выяснение отношений между личностями вплоть до мордобоя и т.п. Конечно, всё это только кажется: обычные пост-советские практики “слушали-постановили” основываются не на усечении полной парламентской процедуры, а на особой советской процедуре ведения собраний, которая сформировалась под воздействием многих факторов.

Назову лишь некоторые из них. Формирование это происходило под влиянием прежде всего практики дебатов на партийных съездах и пленумах начиная со II съезда РСДРП, потом – под влиянием практики собраний профсоюзов и советов начиная с 1905 года (где особое влияние будут иметь практики ведения дискуссий в Петроградском совете 1917 года и на Всероссийских съездах советов), на которые, в свою очередь, повлияли такие разнообразные практики ведения дебата, как обсуждения местных проблем в крестьянском мире, в земствах, обсуждения городских проблем гласными в городских Московской и Санкт-Петербургской Думе, и, конечно же, практика ведения дебатов в первых четырех ГосДумах 1906-17 гг.

Проблемы кросс-культурного перевода текста и переноса практик

России не хватает публичного языка. Она могла бы ввести его, скопировав лучшие образцы парламентской процедуры и упростив их для целей ассоциаций, занимающихся проблемами повседневной неполитической жизни. Как казалось и кажется многим, Robert's Rules of Order здесь первый кандидат на такую креативную адаптацию. Дело, однако, в том, что попытка ввести свод правил правильного и дисциплинированного ведения групповой дискуссии во многом обречена на провал, так как мы не имеем в РФ тех же исторических условий зарождения или рецепции этих практик, которые имелись в наличии в Англии или Америке. В Англии существует по крайней мере 500-летняя традиция таких обсуждений. Потому кодификация правил ведения дебата – например, та, что сделал Эрскин Мэй – в этом случае легка и закономерна. В США тоже сложилась достаточно уникальная ситуация, когда многие группы и ассоциации были готовы ввести такой свод правил, так как это помогало

избежать конфликтов между их членами, исходившими из слишком разнообразных этноконфессиональных практик ведения собраний, которые привезли иммигранты из разных стран. Именно такую ситуацию Генри Роберт застал после Гражданской войны в США. В России же мы не имеем ни долгой традиции парламентского дебата, ни ситуации, когда надо срочно найти общий знаменатель для общества, во многом состоящего из переселенцев, да еще только что пережившего гражданскую войну.

Надо также отметить, что попытки имплантации Robert's Rules of Order уже предпринимались. В 1992 году было опубликовано сразу два (!) разных перевода RONR на русский, каждый по своему несовершенный⁸. Один (Роберт 1992а) имел введение, написанное сенатором Биллом Брэдли, где тот сравнивал труд всей жизни Роберта и работу первой ГосДумы в 1906 г. Эта книга была предложена к публикации членами диссидентского сообщества советского времени, переселившимися в Вашингтон, и издана на деньги National Endowment for Democracy. Перевод этот не прижился. Используемый в России американскими организациями, которые думали, что они обучают недемократичных аборигенов доселе недоступной для них истине, он и так ставил получателей этого текста в незавидную позицию. А это осложнялось еще и сложным стилем перевода. RONR и по-английски мало кто читает в полной версии с начала до конца из-за сложности изложения и множественных перекрестных ссылок. В русском переводе вся эта сложность была еще передана либо существующими бюрократическими терминами советского языка (например, *seconding a motion* было переведено как “поддержать предложение” – что звучало очень невкусно для рядового читателя, только что отказавшегося от жизни в “совке”!), либо бюрократически-звучащими неологизмами. Да и стиль напоминал то, что по-русски иногда обозначается как “канцелярит”. Типичные примеры: “Четвертый часто используемый способ избавиться от вопроса состоит во внесении предложения временно отложить его”. Или: “Апелляция не обсуждается, когда она относится к просто неподобающему поведению, использованию непарламентских выражений, приоритетности ведения дел, а также если она вносится во время голосования, или когда непосредственно рассматриваемый собранием вопрос не подлежит дискуссии.” (Роберт 1992а: 59; 90)

Другой перевод (Роберт 1992б) переводил более простое издание 1893 года, снабдив его еще и веселыми картинками для наглядности. Видимо, он был рассчитан не на академическое, а на “общественное” использование данного текста. Потому восприятие материала здесь значительно легче. Учитывая, что издание 1915 года радикально расширило текст в 4 раза, и именно этот расширенный текст лежит в основе и сегодняшнего 11-го издания, то, видимо, издатели хотели дать русскому читателю более простой исходный текст, который Роберт в 1912-15 гг. переделал, следуя письмам пользователей. Наверное, предполагалось, что какой-либо русский квази-Роберт через 20 лет использования этого учебника публикой так же подвергнет ревизии и этот более простой текст, дав компендиум правил, исходя из уже сложившейся за 20 лет практики, а не из теории. Но есть еще одна проблема: кроме того, что берется ранее (кто-то скажет: более примитивное) издание, переводчик чередует разные

⁸ Я благодарен Капитолине Федоровой за помощь в поиске и анализе этих двух переводов справочника Роберта на русский.

русские термины при переводе одного исходного английского – например, пишется “принципиальные, или основные предложения” и “вспомогательные, или дополняющие предложения”, которые затем произвольно варьируются в тексте. В результате термины начинают смешиваться, и стройная классификация оборачивается хаосом.

Конечно, при адаптации правил RONR к русской действительности можно было бы попробовать перевести не полный 750-страничный справочник в его 11 издании, а RONRIB – краткое изложение основных правил крупным шрифтом на 200 страницах (Robert 2004). Надо понимать, однако, что перевод этот столкнулся бы с теми же проблемами, что и первые два, хоть и переводил бы более простой текст. Во-первых, потребовалось бы делать выбор, переводить ли основные термины RONRIB терминами русского канцелярита, что неизбежно убивало бы желание многих читателей и активистов групп гражданского общества ими пользоваться, или давать новые “вкусные” термины, что имело бы свои опасности. Вкусный перевод же, возможно, оказался бы слишком эмоционален, что привело бы к опасности сползания в эмоциональный дебат и переходу на личности вместо сдержанного обсуждения сути вопроса. Отсутствие канцелярита привело бы к необходимости убеждать слишком большое количество людей принять и заучить новые термины. Канцелярит хорош только одним: он хоть и безмерно скучен, но его рационализм и логичность делают его понятным всем, кто готов приложить усилия для его прочтения и интерпретации.

Но надо ли нам действительно копировать англо-американские практики? Есть два обычных возражения против перевода. Во-первых, например, Франция и Италия не переводили RONR, но мало кто будет утверждать, что в этих странах нет культуры публичного дебата. Сколько я не искал в парижских книжных магазинах книжки в жанре *savoir faire*, “как сделать”, на тему того, как искусно провести дискуссию определенной группы гражданского общества, я не нашел ничего, кроме многих справочников на тему того, как организовать и провести ежегодное заседание собственников в *copropriété*, т.е. в аналоге нашего ТСЖ (товарищества собственников жилья).⁹ Видимо, имущественные конфликты на этих собраниях на тему, какие категории жильцов дома будут облагаться какими платежами на будущий год (за лифт, ремонт крыш, фасадов, заказ технической экспертизы по состоянию здания и т.п.), идут настолько остро, и опасности манипулирования дискуссией со стороны преседательствующего или компанией, управляющей домом по поручению ТСЖ, настолько велики (а гнев масс, если это раскрывается, настолько нелицеприятен), что издаются многие пособия по правильности ведения именно этих собраний. С другой стороны, практикам ведения дискуссии во время собраний обычных ассоциаций гражданского общества (там, где нет прямой угрозы неминуемых расходов или имущественных потерь для каждого участвующего) во Франции могут учиться, как в Англии, где подростки, конечно же, не читают Мэя, а перенимают дискурсивные навыки на практике, когда повторяют на своих первых собраниях школьных комитетов или дискуссионных клубов лейбористской или консервативной партий то, что делают другие. Французские подростки тоже могут научиться, копируя поведение других. Но особо дотошные из них могут и почитать те разделы конституционного права, которые регулируют ведение дискуссии в Национальной

⁹ См., например, (Dhont 2007), (Dobrohodov 2010), (Carlier 2011).

Ассамблее Франции, т.е. то, что внутри французского конституционного права выделяется как подраздел под названием *le droit parlementaire*, “парламентское право”.

Показательна в этом отношении история перевода RONR на французский язык. Адаптация творения генерал Роберта к этой иноязычной для него реальности была сделана в Квебеке и вышла в 1938 году под названием *Code Morin*, “кодекса Морана”, по имени юриста, сделавшего эти адаптацию – Victor Morin, *Procédure des assemblées délibérantes*. В этой книге *Previous Question* (предложение закончить дискуссию прямо сейчас и перейти к голосованию) был переведен как *la question prealable*; название выступления из зала о том, что нарушается порядок ведения собрания – *A Point of Order!* – было переведено как *le point d'ordre*, а *Question of Privilege* (замечания, что чьи-то права или достоинство нарушаются) было передано калькой *la question de privilege*. Однако книжка эта совсем непопулярна во Франции, а широкое применение ее в Квебеке могло быть вызвано теми же причинами, что и применение книжки Роберта в США – т.е. большим расхождением в практиках ведения собраний среди разнородных групп прибывающих иммигрантов и необходимостью ввести униформную процедуру. Возможно, это чувствовалось в франкоговорящей части Канады не меньше, чем в англоговорящих США. В Канаде книга эта достаточно популярна – настолько, что ассоциация франкоговорящих профсоюзов – *Confederation des syndicats nationaux* – издала сокращенную версию, аналог RONRIB, под названием *Code CSN*.

Наказ Муромцева-Острогорского-Маклакова

Насколько можно повторить дело Роберта, взяв русские кодексы парламентской процедуры и адаптировав их для работы разнообразнейших публичных ассоциаций? Учитывая, что регламент Верховного Совета СССР появился совсем поздно и играл декоративную роль, а нынешний регламент ГосДумы уделяет очень мало внимания аспектам ведения дебата и принятия коллективных решений, то логично было бы обратиться к опыту царской Думы в 1906-1917 гг. Тогда парламентские практики европейских стран пытались действительно приспособить для русской реальности, причем делали это с вниманием и к самой мелкой детали. Начало этому положили такие знаменитые авторы трудов в юридических и политических науках как председатель первой Государственной Думы Российской империи профессор Московского университета Сергей Муромцев и автор первых научных книг по сравнительной политологии, повлиявший на Михельса и Вебера, доктор *École Libre des Sciences Politiques* в Париже (теперь этот университет все так же называется *Sciences Po*) Моисей Острогорский. Мы знаем, что когда в начале 1906 г. депутаты первой ГосДумы съехались в столицу, оказалось, что у Муромцева уже есть наброски регламента работы новой Думы. В марте он встретился с Острогорским, другим депутатом первой Думы, и они соединили свои наброски в один общий проект, опубликованный перед началом думских заседаний под названием “Наказ Государственной Думы” (Наказ 1906).

Став председателем, Муромцев постарался, чтобы регламент работы Думы был принят поскорее, так как иначе ему приходилось править с помощью указа и председательской дискреции (Котляревский 1911: 300). Первые три главы Наказа-Регламента были приняты Думой 26-29 мая 1906 г., но утверждение 4-5 глав досталось уже второй Думе, и параграфы 53-129 первого Наказа (включая правила проведения заседаний в Думе и порядок прений)

были приняты 8-10 мая 1907 г. (Материалы 1907: 2; Маклаков, Пергамент 1907: 3). После столыпинского переворота 3 июня 1907 г. дело утверждения Наказа в полной форме досталось уже третьей Думе, и окончательная редакция была опубликована после утверждения его Думой 2 июня 1909 г. (Саврасов 2010: 263).¹⁰ С исправлениями и добавлениями четвертой Думы Наказ вступил в действие с 15 апреля 1914.¹¹ Изменения были иногда косметического характера; иногда – нет. Ясно, что душой работы над всеми этими изменениями стал после смерти Муромцева и отхода Острогорского от политики кадет Маклаков, так что этот Наказ можно смело называть Наказом Муромцева-Острогорского-Маклакова или просто Муромцева-Маклакова, если выделить тех, кто внес наиболее существенный вклад в его создание и правку. Но в отношении норм ведения прений в Думе в основном сохранялись правила, предложенные еще Муромцевым и Острогорским и доказавшие свою пригодность на практике.

Правила эти во многом были взяты из правил функционирования французского парламента времен Третьей республики, но особое внимание уделялось и правилам представительных органов не республик, а империй – германского Рейхстага и австро-венгерского Рейхсрата. Описания функционирования этих институтов были опубликованы в 1906 г. в *Журнале министерства юстиции*, в трех последовательных номерах, №№ 1-3. Кроме этого было издано отдельное сводное исследование порядка работы представительных органов Западной Европы, где, кроме Германии-Франции-Австрии, описывался также опыт Пруссии и Англии (Очерк внутренней жизни 1906). Надо отметить, что последняя брошюра была прежде всего озабочена управляемостью представительных органов и тем, чтобы радикальные (левые) депутаты не занимались обструкцией их работы.

Многое из того, что мы находим в Наказе ГосДумы по поводу ведения прений, мы видим и в Robert's Rules of Order, что неудивительно: Франция по крайней мере со времени Монтескье считала Англию образцом парламентской процедуры и могла заимствовать некоторые положения в свое парламентское право, как их параллельно заимствовали и американцы. В результате читаем в трактате Эжена Пьера (Pierre 1893), который деятели первых наших Дум прямо приказывали переводить и использовали в своей работе¹², следующее. Последний по времени регламент палаты депутатов III Республики был принят 16 июня 1876 года. Вот как регламент описывает порядок депутатских заседаний.¹³ Статья 101 гласит: “Никто из членов Палаты не может говорить, не испросив слова и не получив его от Президента.”¹⁴ Статья 103: желательно чередование выступлений “за” и “против” предлагаемого; вне очереди могут выступать только министры и докладчики. Статья 105: не надо отклоняться от темы, в противном случае после 2 предупреждений председательствующий лишит выступающего

¹⁰ Детали дебатов в думской комиссии по подготовке Наказа (председатель – В.А. Маклаков, секретарь – В.В. Шульгин), а потом и описание постатейных дебатов в самой третьей Думе см. (Саврасов 2010: 198–263).

¹¹ Версия третьей Думы есть в (Наказ 1909) – ее и приводит в конце своей книге и В. А. Демин (Демин 1996: 187–213). Думский регламент после исправлений, сделанных четвертой Думой см. в (Наказ 1915).

¹² Кроме перевода в “Журнале министерства юстиции” раздела этой книги об общем устройстве дебатов, был заказан также дополнительный 200-страничный перевод других разделов трактата, нужных для работы Думы. См. (Пьер 1908).

¹³ Все статьи далее в этом абзаце цитируются по главе XI, “Порядок заседаний” (Наказ палаты 1906: 228–232).

¹⁴ Регламент рейхстага, §42: никто не может говорить, не испросив у председателя слово (Нольде 1906а: 178).

слова.¹⁵ Статья 107 запрещает переход на личности: “Перерыв речи другого, всякие личные выходы и всякие манифестации, нарушающие порядок заседания, воспрещаются” (а ранее статья 39, пункт 3, запрещает прямые обращения одного депутата к другому; обращаться можно только к председателю собрания). Статья 109: если шум в палате достигает такого уровня, что становится невозможно услышать произносимые речи, то председатель надевает шляпу как знак предупреждения. Если беспокойство не останавливается, он покидает зал, и заседание прерывается на час.¹⁶ Если по возвращении депутаты ведут себя все также слишком эмоционально, заседание закрывается до следующего дня. Статья 120: Те депутаты, которые не следуют решениям председателя по вопросам порядка, и не подчиняются ему, могут быть подвергнуты различным санкциям, вплоть до запрещения посещения заседаний¹⁷ и лишения половины депутатского жалования на срок до 15 дней.

Если мы посмотрим на порядок ведения дискуссий, принятый II Думой по проекту Муромцева-Острогорского, то мы увидим многие из этих правил. Российские депутаты говорят только с разрешения председательствующего и только по предварительной письменной записи (§§97-98). Как утверждает объяснительная записка в “Материалах по составлению наказа” 1907 г., это нужно “для контроля публичности”. Вводится чередование выступлений “за” и “против” (§98), и не допускается больше 2 выступлений одного депутата по одному вопросу (§100; комментарий в “Материалах по составлению наказа” 1907 г. добавляет: это делается, как во французском парламенте и австрийском рейхсрате).¹⁸ Вне очереди могут выступать докладчики от комиссий, авторы законодательных предложений и министры. Есть три типа замечаний, которые допускаются от каждого депутата вне очереди. Это – замечания о нарушении правил Наказа, предложения “касательно направления обсуждаемого дела” и объяснения личного характера (§§104-106). По всем этим выступлениям не допускаются прения и каждое заявление жестко ограничивается пятью минутами (§107). Членам Думы запрещено обращаться друг к другу напрямую (§112), высказывать суждения относительно действий председательствующего (§113), оскорблять Думу своими резкими выражениями или неподчинением председательствующему. Если такое все же происходит, председатель Думы может предложить Думе проголосовать и удалить неподчиняющегося или нарушающего порядок на срок от 1 до 15 дней. Если шум не прекращается, то “Председатель покидает свое место, чем заседание почитается прерванным

¹⁵ Регламент рейхстага, §46: надо придерживаться предмета обсуждения, иначе Собрание может лишить выступающего слова, если Председатель его уже предупреждал (Нольде 1906а: 180).

¹⁶ Регламент рейхстага, §61: если шум не стихает, то председатель надевает шляпу, и это означает, что заседание прервано на час (Нольде 1906а: 190-191)

¹⁷ Регламент рейхстага, §60: Председатель призывает нарушителя к порядку. В случае грубого нарушения тот может быть удален (Нольде 1906а: 190).

¹⁸ (Материалы 1907: 66). Однако отсылка к собранию депутатов Австро-Венгерской империи – странна, так как большинство юристов рассматривало этот опыт как отрицательный из-за постоянных обструкций работы собрания со стороны партий меньшинства. Как писал один из комментаторов, в 1897-1903 гг. “нравы парламента совершенно одичали.” Из-за длинных речей там было почти что невозможно записаться на выступление; и депутатам приходилось использовать внеочередные выступления, якобы задавая вопрос о фактах дела или якобы подавая запрос (в 1901-1903 гг. в течение XVII сессии было подано 5018 таких парламентских запросов, что сделало этот институт неработающим). В ходе таких кратких вопросов или запросов можно было огласить неугодные взгляды, сделать рекламу запрещенных брошюр и т.п. (Нольде 1906б: 199-200).

на час времени”; если по его возвращении шум продолжается, то заседание объявляется им закрытым (§118).¹⁹

Что из западно-европейской парламентской процедуры не заработало на русской почве? Приват-доцент С.Петербургского университета и гласный (т.е. депутат) петербургской городской Думы Александр Пиленко в первом выпуске своей известной книги сразу же подчеркнул личностный характер думского общения: “прием названия по избирательному округу – соответственно английскому обычаю – не привился у нас”, потому депутата называли по имени – и как “Максим Максимович”, и как “Максим Максимович Ковалевский” и как “многоуважаемый профессор Максим Максимович Ковалевский” (Пиленко, вып. 1 (1907): 84). Такой характер упоминания мог легко привести к “переходу на личности”; неудивительно, что второй выпуск той же книги указывал в стенографических отчетах первой и второй Думы на многие примеры оскорбления личности, что вело к “весьма тягостным препирательствам”. Примером же несдержанной и излишне резкой речи по отношению к целой группе депутатов Пиленко приводил, например, следующие высказывания Шульгина: “... для чего, за какие грехи тяжкие заставляют нас, русских граждан, лояльных своему царю, сидеть вместе с вот этой [жест влево] компанией?” Ответ председательствующего последовал незамедлительно: “Призываю Вас к порядку” (Пиленко, вып. 2 (1908): 69). Правые вообще были особенно несдержанны на язык, и депутата Пуришкевича удаляли из зала несколько раз, даже за оскорбление председателей Думы Головина и Родзянко. А.И. Гучков вспоминал, как во время одного из заседаний Думы к нему подошел Пуришкевич, и сказал, что сейчас “обложит” выступающего Милюкова по полной программе. Гучков дал ему явно понять, что как председательствующий он его удалит с заседаний на 10 дней, и это охладило пыл Пуришкевича. Но хороши бывали все: даже кадет Маклаков, столько сделавший для разработки и принятий Наказа ГосДумы, не сдержался на заседании 17 февраля 1917 года: его удалили из зала за эпитет “подлец”, адресованный государственным чиновникам (Кирьянов, Лукьянов 1995: 122).

Показательно, что русские парламентарии проделали тот же путь, что и британские – и только что не обещали посадить подравшихся в думских коридорах или сразившихся после заседаний парламента в Тауэр. При обсуждении Наказа IV Думы, депутат Остроумов подал следующую поправку на включение в текст Наказа: “Вызов на дуэль одним Членом Г. Думы другого Члена по поводу оскорблений, усмотренных в речах, произнесенных официально в думских комиссиях и на общих собраниях Г. Думы, считается недопустимым, как покушение на парламентскую свободу слова. Как вызвавший на дуэль, так и принявший вызов обязаны ранее дуэли подать заявление о сложении звания Члена Г. Думы.” Поправка, однако, не рассматривалась как поданная после разрешенных сроков подачи поправок (Саврасов 2010: 408).

Не заработал и порядок предоставления слова по очереди ораторам, выступавшим “за” и “против” определенного предложения. Как замечали современники, данное положение осталось мертвой буквой. Во-первых, председателя обязывали предоставлять право выступления по месту в очереди в порядке записи; во-вторых, только там, где количество

¹⁹ Все цитаты – по (Маклаков, Пергамент 1907: 55–59).

выступающих было ограничено, предполагалось жесткое чередование. В этих случаях бывало так, что те, кто был “против”, записывались как если бы они были “за”, а потом – завуалированно или открыто – выступали против (Там же: 318).

В Наказе ГосДумы не было в чистом виде и практики *seconding*. Вместо этого англо-американской практики использовался французский функциональный аналог под названием – *la question prealable*, “предварительное рассмотрение” (Pierre 1893: 880), когда прежде чем поставить вопрос на обсуждение, Дума могла предложить согласно Наказу заслушать по два выступающих за и против того, ставить ли данный вопрос на обсуждение вообще (§97 Наказа II Думы; §121 Наказа III Думы). В Наказе II Думы не оговаривалось, кто вносит предложение о *la question prealable*, в Наказе III Думы четко говорилось, что это можно делать только по письменному предложению группы в не менее, чем 30 депутатов. Подобное рассмотрение отсеивало наиболее непопулярные, радикальные и экстравагантные предложения. Так, этот механизм, введенный по предложению Муромцева еще в сыром виде в первом Проекте Наказа (§103), был впервые применен в первой Думе к поправке правого депутата Концевича, саркастически предложившего, чтобы Дума “озаботилась уничтожением всего русского и даже самого имени ‘Россия’” (Саврасов 2010: 314–315). Возможно, после этого прецедента, во время подготовки к обсуждению Наказа во второй Думе Муромцев писал: “...в случае возбуждения предварительного вопроса (§97) несколько рискованно ограничиваться выслушиванием лишь одного оратора за и одного – против предложения. Ведь предварительный вопрос часто есть вопрос и о компетенции думы и об основных принципах законодательства...” (Муромцев 1906: стлб. 1783). Вторая Дума вняла необходимости более подробно обсуждать *la question prealable*, и почти сразу же после принятия этой части Наказа применила его на практике: депутаты отказались рассматривать на заседании 15 мая 1907 г. вопрос об осуждении революционного террора (Маклаков, Пергамент 1907: 55).

Заметьте, что рассматриваемый нами французский термин здесь применяется в соответствие с французской парламентской практикой конца XIX века, а не как в канадском *Code Morin* 1938 года, где термин *la question prealable* буквально переводит англоязычное высказывание *Previous Question*, что означает “потребовать немедленно остановить прения и вынести вопрос на голосование” (в RONR для такой внезапной остановки прений требуется поддержка 2/3 присутствующих – Robert 2004: 36–37; 192). Эти два совершенно разных использования одного и того же термина важно не путать.²⁰ При этом важно рассмотреть и российскую специфику решения вопроса о том, как прекращать затянувшиеся дебаты, цивилизованно и не ущемляя права меньшинства.

Проект Наказа первой Думы (1906) в §§121-123 предлагал следующую довольно сырую процедуру: если 30 депутатов Думы²¹ хотят прекратить прения по данному вопросу, они

²⁰ Огрубляя, можно сказать, что аналогами термина французского парламента *la question prealable* является у Роберта предложения *Object to Consideration* и *Postpone Indefinitely*, т.е. предложения не допустить вопрос до прений вообще. Я благодарен Александру Саврасову за указание на это.

²¹ Ср. (Нольде 1906а: 184): предложение отложить или прекратить прения должно быть поддержано 30 членами (§53).

подают заявления на имя Председателя, который оглашает весь список записавшихся (и рискующих теперь не выступить), и дает слово одному члену Думы – из тех, кто против прекращения прений. После его выступления нет обсуждения, и вопрос прекращения прений ставится на голосование. Как писал Пиленко, подобное устройство прекращения дебатов быстро обнаружила свою близость к тому, что в Западной Европе называли “абсолютной гильотиной”, т.е. быстрым прекращением прений (этот термин, когда-то бывший метафорой, как бы подчеркивает, что это даже не зажимание рта меньшинству, а перерезание ему горла), если большинство устало его слушать: “Этот порядок был признан опасным для прав меньшинства... и в ближайшем же заседании Дума вотировала означенные правила” (т.е. ввела право 50 депутатов налагать вето на предложения закрыть прения совсем) (Пиленко, вып. 1 (1907): 88–89).²² Параграфы Наказа, утвержденные по этому поводу второй Думой (§§120-127) были более сбалансированными, но потому и половинчатыми: можно было попытаться закрыть прения полностью или неполностью.²³ Если полностью, то надо было надеяться, что против этого не проголосует 50 депутатов, что ветировало бы данное предложение. Но если не менее 30 депутатов требовали завершить прения в неполной форме, то стороны “за” и “против” среди записавшихся выбирали по три оратора, каждый из которых мог говорить без ограничения времени после того, как прения закрывались для остальных. Потом назначался 10-минутный перерыв перед голосованием о завершении прений в неполной форме: все должны были взвесить и понять, хотят ли они убить всю очередь записавшихся, оставив только шестерых счастливых. Предложения о неполном прекращении прений (т.е. о выборе по три финальных оратора с каждой стороны), так же, как и о закрытии записи ораторов или о сокращении времени выступления каждого оратора, скажем, до 10 или 20 минут, – отклонялись, если против было более, чем 100 членов Думы (или больше половины депутатов, если присутствовало меньше, чем 200 человек).

Наказ третьей Думы (§154) меньше заботился о правах меньшинства и ужесточил правила. Начиная с 1909 г. требовалось уже 100, а не 50 депутатов, чтобы внести вето по поводу желания 30-ти прекратить прения. И нескольких ораторов среди записавшихся, кому все же давали слово, выбирал Председатель, а не фракции Думы (§152). Четвертая Дума в своем Наказе (§163) ужесточила правила еще больше, так как теперь перерыв перед голосованием по прекращению или ограничению прений устраивался не автоматически, а только, если было требование 30 депутатов. Видимо, считалось, что надо экономить время²⁴, или что не надо давать его большинству на долгие размышления о том, прекращать прения или нет или

²² Про парламентскую “гильотину” в XX веке – как резкое сокращение продолжительности прений – см. (Крылов 1963: 189).

²³ Про то, как реально регламентировались правила ведения прений в первой Думе, см. (Саврасов 2010: 80-86).

²⁴ То, что с недостатком времени отчасти стали считаться (а не просто хотели закрыть рот меньшинству), показывает следующее. Председатель прерывал шум в собрании своим уходом и приостановкой заседания уже не на час, как в западно-европейских парламентах, а, начиная с 1909 года, на 30 минут (Наказ 1909: §146). И в Наказе IV Думы была еще одна радостная деталь по поводу другого права меньшинства: если 30 депутатов требовали не закрывать прения вообще, а лишь ограничить время каждого выступающего, то теперь нельзя было одновременно требовать, чтобы речь была короче 10 минут (Наказ 1915, §158).

меньшинству на то, чтобы в этом перерыве убедить большинство поменять свою точку зрения – так, чтобы они проголосовали не прекращать прения.²⁵

В целом, развитие положений Наказа III Думы шло в сторону усиления власти Председателя, а развитие положений IV – в сторону ограничения права меньшинства на то, чтобы быть услышанным или – не дай бог – права заняться обструкцией работы Думы. Конечно, права меньшинства защищались тем, что было нельзя поменять строки Наказа простым думским решением, даже если за него голосовало квалифицированное большинство в две трети. Наказ можно было менять только после работы специальной комиссии или совещания, а такую комиссию III Думы даже при господстве правых партий возглавлял кадет Маклаков. Однако даже Маклаков не внес в Наказ права апелляции к Думе по поводу неправомерных действий Председателя. Саврасов приводит мнение многих думцев того времени: надо было поднять авторитет Думы в первые годы ее существования, и поэтому надо было дать одному человеку право безапелляционного суждения, чтобы регулировать поведение других (Саврасов 2010: 277). Тем более, что личные черты С. А. Муромцева способствовали тому, что думцы могли не очень заботиться о праве апелляции – он и так занимался самоограничением, насколько мог.²⁶ После его ухода с поста Председателя Думы, как казалось, неоспариваемый характер действий и ошибок Председателя можно было терпеть, так как в то время председательствующий должен был, согласно основополагающему документу под названием “Учреждение ГосДумы”, избираться каждый год.

Тем не менее, в Наказе IV Думы (§136) появилось примечание к прежнему параграфу о правах Председателя (§125 Наказа III Думы – “Председатель руководит заседанием. Никаких возражений по поводу его распоряжений и разъяснений не допускается, и никто не может высказываться, не получив слово от Председателя”). Новое примечание гласило: “Письменные протесты на действия Председателя не оглашаются, но прилагаются к материалу заседания”, что было шагом вперед. До этого председатель мог просто проигнорировать заявления из зала, что Наказ нарушается (§133 Наказа III Думы) и нарушается, возможно, самим председателем. Теперь, по крайней мере, действия председателя фиксировались для суда потомков или для дебатов о кандидатах в следующие

²⁵ Во время обсуждения изменений в Наказе IV Думы фракция трудовиков выступила с предложением вернуть право вето на предложения по прекращению прений 50-ти, а не 100 депутатам. Эта инициатива трудовиков не нашла поддержки у консервативного большинства: при пороге в 50 человек трудовики и с.-д. имели бы шанс настаивать на вечных прениях. Трудовик А. Ф. Керенский в своей речи оценил действия Думы по сохранению порога в 100 человек: “Наказ этот является, с одной стороны, сплошной попыткой унижительного для Государственной Думы компромисса с Правительствующим Сенатом и стремлением всячески угодить этому учреждению, а с другой стороны, является систематическим орудием для подавления прав меньшинства Г. Думы и прав народного представительства.” (Саврасов 2010: 277).

²⁶ Наверное, суждение Котляревского пристрастно, но оно передает настроение тех лет, особенно на фоне уже известного к 1910 г. (время смерти Муромцева) стиля работы Председателей II и III Дум: “Нравственный авторитет Муромцева держался прежде всего на его безусловном и полном беспристрастии. Известно, что многовековой опыт английского парламента достаточно показал, какое значение имеет беспартийность спикера... Но ведь беспартийность может быть выдержана до конца лишь тогда, когда она не есть тактический прием, а вытекает из глубокого чувства справедливости, и наличность этого последнего у Сергея Андреевича ясно сознавала в себе первая Дума. Никто не мог поставить ему на вид даже тень какого-либо пристрастия, даже тень желания применять две меры и два веса... И вот почему в конце концов при всей пестроте состава Дума никогда не видела в осуществлении председательской власти нарушения своих прав” (Котляревский 1911: 307).

председатели. Но появилось и добавление к этой статье Наказа о праве каждого думца указать в своем внеочередном выступлении на нарушение Наказа: “Если по содержанию изложенных указаний Председатель даст разъяснения, то дальнейшие указания по тому же вопросу не допускаются” (§144 Наказа IV Думы). Не свидетельствовало ли это добавление о том, что действия Председателя все же ставились думцами под вопрос, и ему все чаще приходилось обосновывать свои действия?

Право апелляции к собранию про то, что председательствующий неправильно ведет собрание или интерпретирует правила – это одно из основных правил из *Robert’s Rules of Order*, которое делает его в глазах некоторых документов радикальной демократии. Отсутствие такое апелляции не есть что-то странное, конечно. Например, когда Джефферсон приспособивал правила английской парламентской процедуры к нуждам Сената США в 1801 году, он тоже устранил право апелляции. Он знал, что оно существовало в английском парламенте его времени, но введение подобного правила было, видимо, преждевременным для только что созданного Сената. Демократия, таким образом, не устранялась, но ограничивалась в своем размахе, становилась отчасти управляемой.

Во введении к своему справочнику парламентской процедуры Джефферсон (тогда вице-президент и председатель Сената США) пишет, что в этом Сенате председатель имеет право выносить решения по процедуре без прений и апелляций, и именно это потребовало от него написать данную книгу. Если председателю придется полагаться только на свое суждение, ему будет сложно избежать подверженности минутному капризу или страстям, или избежать обвинений в этом. Потому выходом и является попытка руководствоваться парламентскими процедурами отдельных штатов (которые только что объединились в федерацию) либо тем, что послужило прототипом для всех них – английской парламентской практикой.

Джефферсон приводит правила Сената США, но рядом печатает и правила английского парламента; и здесь по поводу апелляции мы находим следующее. “В Сенате США каждый вопрос относительно порядка решается Председателем без дебата; но если его ум в сомнении, то он может свериться с чувствами Сената”. Однако в Англии, замечает Джефферсон сразу же, “все решения спикера могут контролироваться Палатой” (Jefferson 1813: 6; 53). Как пример, Джефферсон показывает, что если два депутата встают одновременно, чтобы выступить, то Председатель или спикер решает, кто будет первым. В Сенате США решение Председателя нельзя обсуждать. А в Англии, однако, “иногда Палата не примиряется с решением спикера; в этом случае задается вопрос: ‘Кто встал первым?’” (Ibid.: 45).

Важно, что к концу XIX века право подачи апелляции на действия председателя собрания ввели у себя и Сенат и Палата представителей (сейчас она, а не Сенат руководствуется исправленными правилами Джефферсона), что видно, например, из более позднего издания справочника Джефферсона. Так в Сенате США появилась следующая процедура: “Если член призван к порядку Председателем или сенатором, он должен сесть на место, и каждый вопрос порядка будет решен Председателем без дебата. На это решение можно подать апелляцию в Сенат, а Председатель может обратиться к пониманию Сената по любому вопросу порядка.” В Палате представителей правило стало гласить, что конечно

председатель отвечает за порядок и декорум, и потому он решает все вопросы порядка ведения собраний, но на его решения любые два члена Палаты могут подать апелляцию (Jefferson 1871: 121; 135). Ясно, что когда полковник Роберт начал писать свой справочник процедуры для законодательных собраний и групп, то он уже мог спокойно опираться на право апелляции как существующую и распространенную не только в Англии практику.

Поэтому неудивительно, наверное, что Россия начинала введение парламентской процедуры без права обсуждения действий Председателя и права подачи апелляций на них, но постепенно двигалась, как и другие парламенты, в этом направлении. Даже в германском рейхстаге того времени уже было разрешено обжалование действий Председателя перед всем Собранием, но, правда, на следующий день (для остужения эмоций?). Такая апелляция не предполагала обсуждение, а сразу ставилась на голосование.²⁷ Конечно, уникальность безапелляционности суждений Председателя в Думе России сохранялась только, если он не высказывался по существу обсуждаемого вопроса, рассуждая только про вопросы порядка и процедуры. Если он сам хотел выступить в прениях, то Председатель приравнивался к простому члену Думы; тогда ему надо было записаться в оные в порядке очереди, и на время своего выступления передать председательство кому-то другому (Наказ 1915, §148).

Это правило выглядит немного странно на фоне выверенной англо-американской парламентской процедуры. Так, Джефферсон указывает, что в английском парламенте спикер всегда говорит вне очереди, если выступает на тему *matters of order*, дел, связанных с порядком, и “ему запрещено говорить на любую другую тему”. Однако, если Палата пожелает затребовать его знание о некоторых фактах, *matters of fact*, то его могут пригласить выступить и на эту тему (Jefferson 1813: 46). В России выступающий председатель собрания – наоборот, не редкость; более того, он и по собственной инициативе может получить право говорить по существу вопроса, т.е. участвовать в прениях, а не просто вызывается парламентом, чтобы передать свои познания на фиксированную парламентом тему, когда его попросят.

Не в этом ли секрет особой специфики российского парламентаризма, не оставившего за собой стабильного наследия после попытки укоренить новые практики обсуждения в 1906-1917 гг.? Действительно, председатель, который имеет мнение по существенным вопросам, озвучивает их иногда первым в чередех тех, кто их обсуждает, и первым же тянет руку при голосовании – не в этом ли заключается основная дисфункция советских и пост-советских собраний? Возможно, будущий СССР начался, когда председатель групповой дискуссии стал не только модерировать прения, как это делал, скажем, Муромцев, но стал и участвовать в прениях, как это делал, например, Плеханов на знаменитом II съезде РСДРП в 1903 году.

Саврасов пишет про доводку и обкатку правил дисциплинированной парламентской дискуссии в ходе работы над Наказом в III и IV Думах: “Многие правовые нормы Наказа, первоначально представлявшие собой заимствования из иностранных регламентов, в ходе их применения постепенно становились своими, привычными, обретая, образно говоря, российскую прописку” (Саврасов 2010: 268). Но стали ли они частью российской

²⁷ См.: Регламент Рейхстага, §60 (Нольде 1906а: 190).

реальности? С одной стороны, большевики тоже знали и использовали эти правила. С другой стороны, они не собирались использовать все из них. И, конечно же, важна не только культура или интенции большевиков, но и обыденные практики ведения собраний дореволюционной, а потом и постреволюционной России, в контексте которых большевистские практики ведения собраний тоже получили “российскую прописку”. Посмотрим, что из этого получилось.

Наказы Ильича: порядок обсуждений у социал-демократов

Российские социал-демократы в своих дискуссиях следовали некоторому набору правил, который напоминает парламентскую процедуру обсуждения. Посмотрим, например, на Протоколы II съезда РСДРП, прошедшего в Брюсселе и Лондоне в июле-августе 1903 года, которые зафиксировали удивительное, если не мелочное внимание к правилам группового обсуждения и парламентской дискуссии, хотя многие большевики, особенно после революции 1917 года, отрицали строгое следование этим правилам как ненужные буржуазные прихоти. Вообще, поражает удивительный формализм дебатов на этом съезде. Иногда кажется, что на процедурные вопросы ушло чуть ли не половина времени съезда, а сами резолюции в конце съезда из-за недостатка времени и необходимости наконец разъехаться (ведь проживание в Лондоне все же стоило денег!) принимали чуть ли не впопыхах. Получалось, что делегаты не занимались особенно подробными обсуждениями по сущностным вопросам, зато часто прекращали прения с помощью голосования, что раздражало то меньшинство, которое еще хотело бы продолжить прения о резолюциях и программах.²⁸

Если говорить о заимствовании социал-демократами норм парламентской процедуры, или о схожести правил дискуссий среди с.-д. с этими нормами, то, во-первых, мы видим, что есть очевидное всем правило “не говорить без разрешения председательствующего.” Делегаты иногда даже начинают выступления с эксплицитного вопроса: “есть ли у меня слово?” или ждут, пока председатель не передаст им его или спросит, “кто просит слово?” (Там же: 96, 138, 266, 346 и др.). Также, председательствующий контролирует лексику высказывающихся и ход собрания. Так, Плеханов как председатель призывает к порядку Баумана (за его слова в адрес организации “Борьба”, в действиях которой тот увидел “нахальство”) или Либера, который назвал выступление Троцкого попыткой “злостно и тенденциозно истолковать наши слова.” Услышав слово “ложь” в речи Егорова по поводу слов делегата Русова, Плеханов сразу реагирует: “Я не позволю вам так выражаться. Возьмите свои слова назад” (Там же: 29, 210, 350)²⁹. Таких призывов приструнить себя и умерить свою лексику – много.

Надо отметить, что все председательствующие подчеркивают беспристрастность как основную норму своего поведения. Даже Ленин, которого многие подозревали в попытках

²⁸ Секретарская запись на одном из заседаний гласит, что услышав о возможной очень длинной речи другого делегата, “Тов. Дейч обращает внимание на финансовые затруднения ввиду продолжительности съезда.” Мартов же провел поддержанную большинством резолюцию, что надо резко ограничить дебаты по отдельным пунктам программы партии “в интересах скорейшего обсуждения программы” (Второй съезд 1903: 176).

²⁹ Отметим, что выступающие прямо указывают имена (партийные клички) тех, кого они критикуют, и не следуют стандартам англо-американской процедуры, требующей избегать имен и говорить “предыдущий выступающий”.

манипулировать съездом, говорит на сессии, где он был председателем: “Я имел полное право и даже обязан был, как председатель, указать на несоответствие предложения Мартова с порядком дня. Признаю себя виновным разве только в пристрастии к порядку дня. Повторяю: иначе поступить я не мог” (Там же: 353). Председательствующий Плеханов вынужден обосновывать справедливость своих суждений по процедуре, когда он не дает слова Акимову, который просит вдруг 2-2,5 часа на изложение своих поправок, и Акимов описывает это как “большинство съезда совершило насилие над меньшинством.” Это настолько задевает Плеханова, что он возвращается к этому эпизоду и через шесть заседаний, при финальном голосовании за программу партии, чтобы сказать: “Это неверно. Тов. Акимов в комиссию внес целых 21 поправку — считайте по 5 минут на каждую — и то выйдет немало времени. Что касается остальной части программы, которая комиссией не рассматривалась и разбиралась *in pleno*, то условия обсуждения ее всем известны. Каждый делегат имел право говорить по каждому пункту три раза по десяти минут. Тов. Акимов же ни разу не взял слова. Регламент был принят большинством съезда” (Там же: 176–177; 258).

Во-вторых, нормы парламентской процедуры можно увидеть и в том, что делегаты просят выступить вне очереди, когда они призывают, как гласят протоколы, “к порядку” ведения собрания, т.е. считают, что он нарушен и нужно его восстановить. Так, Либбер особенно активен в указаниях на даже малейшие искажения порядка, замечая, например, что “Плеханов пункт регламента о положении Бунда в партии переименовал в пункт — автономия или федерация.” На что Плеханов быстро отвечает: “Все равно вопрос сводится к Бунду”, закрывает список ораторов по данному вопросу, и переходит к прениям по нему (Там же: 23)³⁰. Делегаты съезда также требуют внеочередного выступления “к порядку”, когда они хотят остановить затянувшиеся прения и перейти к голосованию — как это делает, например, Фомин, когда видит, что препирательства по поводу Оргкомитета и извинения Плеханова за свое поведение как председателя ведут никуда, или как это делает Лядов, когда “предлагает закрыть список ораторов по поводу предложения т. Махова, так как прения по этому поводу — это повторение вчерашних дебатов” (Там же: 37 и 230). Внеочередное изменения порядка прений, правда, может происходить не только по инициативе сидящих в зале, но и по инициативе бюро, как это происходит в начале 25-го заседания, когда Плеханов констатирует, что начинается уже четвертая неделя съезда, и потому хорошо бы рассматривать только те документы, которые внесены как минимум 10 делегатами, да и то, если останется время, ведь, по настоянию Дана, мы хотим закончить съезд 5-го числа. Это введение фильтра в 10 делегатов напоминает процедуру *seconding* в англо-американской практике, или *la question préalable* во французской, и Мартов говорит протестующему Либберу, что иначе “пришлось бы принять положение, что следует голосовать все резолюции, подписанные не менее чем одним голосом” (Там же: 290).

Иногда, как кажется, прения используют процедуру, более напоминающую парламентскую практику англо-американской традиции, чем то, что три года спустя будет применяться в российской Думе — например, требования заносить нарушения порядка в протокол собрания.

³⁰ Либбер, конечно, перепутал: Плеханов немного искажил “порядок дня”, как тогда говорили, а не регламент. Это показывает либо пыл и спешку дискурсивной борьбы, либо что употребляемые термины были внове для многих участников.

Ни в одной версии думских наказов 1906-1917 гг. мы не находим такой нормы.³¹ Социал-демократы же отличаются особо придирчивым вниманием к фиксации нарушений. Например, Акимов, не получивший право слова от председательствующего Плеханова по сущностному вопросу, «требует прочтения регламента и, не получив ответа, вносит следующее заявление: «Прошу внести в протокол, что председатель, ставя на голосование свою интерпретацию регламента, отказал мне в требовании прочитать текст регламента. Председатель просил обратиться к секретарю»» (Второй съезд 1959: 176).

В другом известном эпизоде и Троцкий и Либер потребовали занести слова оппонента в протокол. Троцкий говорил, что Бунд не является единственным представителем еврейского рабочего класса, подразумевая, что и Троцкий им тоже является. Либер ехидно заметил, что Троцкий никогда среди евреев-рабочих не работал. Произошел взрыв:

Т р о ц к и й . Прошу и мое заявление и возглас т. Либера занести в протокол.

Л и б е р . Прошу занести в протокол, что председатель не остановил т. Троцкого, когда последний своим заявлением совершил грубую бестактность.

П р е с е д а т е л ь . Особое занесение этого обстоятельства в протокол излишне, т. к. все равно видно будет из протокола, что я не остановил т. Троцкого.

Л и б е р . Настаиваю на занесении этого обстоятельства в протокол.

П р е с е д а т е л ь . Тогда будьте любезны внести ваше заявление письменно в бюро съезда.

Либер вносит заявление следующего содержания: «Отмечаю, что председатель не остановил т. Троцкого, когда он заявил о принадлежности к еврейской национальности лиц, внесших резолюцию, совершившего грубую нетактичность, перенося весь спор по этому вопросу на почву национальных страстей».

Эмоции настолько накалились, что собрание было остановлено (Там же: 57–58).

Понятно, что центральный эпизод, в котором выразилось как интуитивное, так и эксплицитное понимание делегатами нормальной процедуры – это обсуждение регламента самого съезда. Ленин до съезда подготовил его набросок, и дебат по регламенту в основном шел по 3 вопросам. Сначала – о количестве выступлений одного делегата съезда. Мартынов и Либер предложили ввести особый *modus*, порядок прений, как они назвали его по-латински: не ограничивать прения и количество выступлений в них, если вопрос особенно важен. Мартов выступил против введения особого *modus*'а, но признал, что можно иногда отказаться от ограничения количества речей. Дейч предложил ограничить продолжительность речей для каждого делегата 15 минутами для первой и 10 минутами для второй (Там же: 14–15). В результате проголосовали следующие пункты регламента:

³¹ Но они были у Джефферсона. Например, что надо просить у председательствующего зафиксировать обидные слова в протоколе сразу же после того, как ваш обидчик закончит свою речь. Только тогда возможно дисциплинарное действие (Jefferson 1813: 49–50). Справедливости ради надо сказать, что заседания Думы стенографировались, и если кто-то из депутатов обращал внимание председательствующего на случившееся нарушение порядка (например, наличие оскорбительной лексики), то председателю надо было просто посмотреть стенограмму, а не требовать занести нарушение в протокол.

“2. Каждый оратор может говорить не более десяти минут, докладчики не более получаса [примечание: в исключительных случаях возможны отступления], а лица, вносящие мотивированные предложения и резолюции, не более двадцати минут. 3. По каждому вопросу никто не имеет права говорить более трех раз, но в это число не входит первая речь докладчика” (Там же: 416). На добавление Либера, “Докладчик должен иметь всегда последнее слово,” председательствующий Плеханов ответил: “Это всегда так делается, поэтому не внесено в регламент” (Там же: 15).

Второе, о чем спорили, обсуждая регламент съезда – это могут ли голосовать те, кто имеет только право совещательного голоса. Мартов выступил с предложением, “чтобы по всем вопросам формального характера, т.е. по вопросам, касающимся порядка заседания (*Geschäftsordnung*), голосование происходило по числу присутствующих на съезде членов партии, т.е. предлагает включить и лиц с совещательным голосом. По существу же вопросов, занимающих съезд, голосование должно быть по мандатам” (Там же). Ленин выступил против, так как если считать не по мандатам, то будет сложно проводить подсчеты; его предложение было поддержано большинством. В третьих, дебат развернулся по поводу того, что делать, если принимаемые съездом резолюции не получают абсолютного большинства в 2/3 голосов. Одни предлагали посылать такие резолюции на доработку в комиссии, так как партия должна выступать как единая сила, и нельзя принимать резолюции, не поддержанные явным большинством. Другие, учитывая, что надо двигаться вперед, и требуются резолюции, как выражение мнения партии, настаивали на том, что если не будет абсолютного большинства, надо устроить перебаллотировку, и не учитывать число воздержавшихся, а смотреть на относительное большинство. Приняли последнее предложение, причем интересно, что председательствующий на этом заседании Плеханов вмешивался в процесс обсуждения.³²

М а х о в. Независимо от числа воздержавшихся, абсолютное большинство может не получиться также и в том случае, когда голоса разобьются на нескольких резолюциях.

П л е х а н о в [п р е с е д а т е л ь] предлагает для таких случаев перебаллотировку, результат которой принимается независимо от числа воздержавшихся.

Л и б е р. Резолюции съезда будут иметь огромное значение. Отсутствие абсолютного большинства по некоторым резолюциям умалило бы их значение. Поэтому предлагаю принимать резолюции только абсолютным большинством. В противном случае, т.е. если абсолютного большинства не получилось, вопрос сдается в комиссию, которая и вырабатывает общую резолюцию.

П р е с е д а т е л ь. А если и затем не будет абсолютного большинства?

Л и б е р. То не принимать совершенно никаких резолюций.

П о с а д о в с к и й. Решения съезда обязательны для всей партии. Поэтому в том случае, когда резолюции принимаются немногими представителями партии, лучше их совсем не принимать.

³² Ради справедливости надо сказать, что вопрос о том, может ли председательствующий вмешиваться в прения по процедурным вопросам на учредительных съездах, до конца не решен и в парламентской процедуре.

Махов предлагает, при неполучении абсолютного большинства за одну из резолюций, производить перебаллотировку, результаты которой признаются решающими во всяком случае (Второй съезд 1959: 16).³³

Обычно протоколы всех этих процедурных баталий бесконечно скучно читать, если концентрироваться на их основном содержании. Но если сконцентрироваться на мелких деталях (*marges*, т.е. полях, сносках или других маргиналиях дискурса, как сказал бы Деррида) и форме аргументов, то они являют нам три важных элемента специфики процедуры дебатов среди российских социал-демократов, а потом и большевиков, которые они сами чаще всего не замечали. А именно то, что 1) многие высказывания подразумевают наличие какой-то единой процедуры, что 2) многие указывают на немецкие термины, чтобы описать эту процедуру, и что 3) её основное отличие от того, что предлагали несколько позже Муромцев-Острогорский-Маклаков – это представление о роли председательствующего на собрании.

Во-первых, как обыденно замечает Плеханов в цитате, приведенной выше, и с ним неожиданно легко соглашается Либер, всегда и по малейшему поводу рвущийся в дискурсивный бой: “Это всегда так делается, поэтому не внесено в регламент.” Подразумевается, что есть общепонятные для всех процедуры ведения прений, и потому многие из них не надо проговаривать. К ним привыкли. К ним можно отсылать как общей базе практического опыта или знания.

Во-вторых, заметим по поводу специфики дискуссионных практик русских социал-демократов, что латинское слово *modus*, которым пользуется для описания правил ведения прений Либер, не так популярно среди делегатов съезда, как немецкоязычные термины. Например, термин, который упоминает только Мартов, *Geschäftsordnung*, сразу отсылает нас к парламентской процедуре немецкого рейхстага и героической борьбе немецких социал-демократов. Этот термин по-английски переводится как *rules of order*, а по-немецки до сих пор означает свод правил для заседаний бундестага. Во времена Мартова он применялся и для обозначения порядка прений в рейхстаге Германской империи. Например, к параграфу 59 этого свода апеллировал Карл Либкнехт 2 декабря 1914, когда единственный среди депутатов проголосовал против военных кредитов (Liebknecht 1915).³⁴

Сам Мартов, конечно же, ссылается на практики социал-демократической партии Германии, а не на практики рейхстага. Так, когда он предлагает не читать протокол прошлого заседания в начале каждого последующего, что занимает безумно много времени, он говорит: “На германских партийных съездах протоколы на заседаниях не читаются, а каждому оратору предоставляется право прочитывать протоколы и вносить в них изменения с согласия секретаря. Предлагаю подобным же образом поступать и нам” (Второй съезд 1959: 156)³⁵. Подробное знакомство если не с процедурой, то с материалами последних съездов

³³ Плеханов после еще шести реплик поставил предложение на голосование, и предложение Махова прошло.

³⁴ О порядке ведения дел в немецком рейхстаге в то время можно прочесть в (*Geschäftsordnung* 1964: Nr. 234).

³⁵ Предложение было отклонено, так как у СДПГ была ежедневная газета, которая позволяла оперативно публиковать тексты выступлений, а потом их править. Поэтому РСДРП якобы не могла себе позволить сверку протоколов вне собрания.

австрийских социал-демократов показывал Акимов; поэтому он и пытался настоять на своем праве внести 21 поправку к программе (Там же: 256–257).

В речах Ленина на съезде мы не найдем термина *Geschäftsordnung*, зато он часто апеллирует к *Tagesordnung*, порядку или повестке дня. Например: “У нас есть *Tagesordnung*, утвержденный съездом. Согласно пункту вопрос о порядке опубликования будет решен и свое время” (Там же: 259; 372). Этот термин он употреблял достаточно часто именно в этот начальный период развития с.-д. движения, что можно увидеть и по другим его текстам и выступлениям (Ленин 1902: 292; 1903а: 59; 1903б: 448–450). Конечно, термин этот не был монополией Ленина, им пользовались и докладчики Бунда, и “экономисты” Мартынов с Акимовым (Второй съезд 1903: 509; 321). Большевик Шотман (рабочий с Выборгской стороны Санкт-Петербурга) в своих воспоминаниях о II съезде даже руссифицировал этот термин: “Недолго нам пришлось заседать под сенью бельгийской конституции. Насколько помню, удалось нам устроить всего 4—5 заседаний, на которых съезд успел только конституироваться и принять порядок дня, или, как тогда говорили, «тагесорднунг».”³⁶

Интересно, что протоколы второго съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии (октябрь 1903 года), которая была назначена II съездом РСДРП своим единственным законным представителем за рубежом, показывают, что Ленин продолжал говорить *Tagesordnung*, в то время как Мартов вдруг стал пользоваться французским термином *ordre du jour*.³⁷ Этот съезд отразил в своей структуре последствия только что случившегося раскола РСДРП. Секретари заседаний избирались и от “большинства” и от “меньшинства.” Чтобы не терять время в словесных баталиях, бюро, а не все делегаты, читало протоколы предварительно, сверяя версии, и только потом передавало их на утверждение на съезд (но и простые делегаты могли присутствовать при проверке протоколов). Но похоже, для всех оставалось несомненным то, что опыт немецкой социал-демократии как образец для действия преобладал.

По вопросу о том, что произошло на II съезде РСДРП, был назначен не только доклад Ленина (как делегата на этом съезде от Заграничной лиги с.-д.), но и со-доклад Мартова (тот был делегатом от “Искры”, потому что когда они с Лениным решали, кто поедет на II съезд РСДРП от газеты, а кто – от лиги, жребий решил так). Плеханов пытался сказать всем, что по процедуре нельзя слушать доклад Мартова как представителя Заграничной лиги с.-д. на съезде РСДРП: он им не являлся. Но Потресов указал на то, что теперь, когда позиции Мартова и Ленина противоположны, надо точно назначить и со-доклад Мартова. При этом он ссылаясь “на германскую социал-демократию: при обнаружении разногласий там всегда назначаются реферат и корреферат” (Протоколы второго съезда заграничной лиги 1903: 55, 57, 73–74). Ленин в своей речи основное обвинение сделал тоже с помощью немецкого термина: “я был против формулировки [§1 Устава РСДРП] Мартова, так как она являлась *Versumpfung*’ом,” т.е. превращением партии в “болото”, в неактивную массу попутчиков.

³⁶ После высылки части делегатов съезда бельгийской полицией всем пришлось переехать в Лондон (Шотман 1987: 543).

³⁷ См.: (Протоколы второго съезда заграничной лиги 1903: 85–86, 92, 101). Правда, учитывая, что съезд происходил в Женеве, разница в употреблении могла быть случайна и зависеть от того иностранного языка, который лучше знал протоколирующий.

Мартов ответил: болото надо осушить, а не взорвать! И добавил кучу деталей из личных переговоров Мартова и Ленина, которые выставляли Ленина в очень невыгодном свете – как интригана и нечестного человека. Например, Ленин якобы убеждал Мартова урезать число руководителей “Искры” с шести до трех, а потом войти в эту тройку, чтобы они могли потом всегда вдвоем “переголосовать” Плеханова, если будет надо. Аудитория вскипела.

Например, Засулич заметила, что на германском *Parteitag'e* (т.е. партийном съезде) Бебель и Зингер никогда бы не стали интриговать за спиной у Ауэра (Там же: 87, 93, 101, 106)³⁸.

Конечно, в первых дебатах русских социал-демократов о процедуре дискуссии бывали апелляции к практикам не только немецкоязычных съездов социал-демократических партий (или к их заимствованию процедур обсуждения из своих буржуазных парламентов), но и к международным съездам. Так, на десятом заседании II съезда РСДРП встал вопрос о договоре с социал-демократами Польши и Литвы, проект которого Плеханов предложил передать на работу в специальную созданную для того комиссию. Либер и Гольдблат пытались оспорить это предложение, причем последний предлагал обсудить договор всем вместе, прежде чем передавать его в комиссию:

Г о л ь д б л а т. Съезд должен обсудить этот вопрос в общей форме, чтобы генеральные дебаты доставили комиссии необходимые материалы. Настаиваю на открытии генеральной дискуссии. Так делается на всем свете.

П р е д с е д а т е л ь. Неизвестно, что вкладывает т. Гольдблат в слова «весь свет». На всех международных конгрессах работы комиссии предшествуют дебатам (Второй съезд 1959: 142)³⁹.

Нетрудно предположить, что Плеханов мог здесь упоминать как “все международные конгрессы”, так как он участвовал во многих конгрессах Второго Интернационала, начиная с первого в июле 1889 года в Париже (и даже произнес там речь). Отсылку к международным конференциям и порядку их прений находим и в материалах второго съезда Заграничной лиги. Как мы помним, Ленина там разбили почти по всем пунктам. Однако, можно сказать, что в одном совсем малом пункте он выиграл. В один из острых полемических моментов Тахтарев заявил: “Совершенно неправильно ссылается т. Ленин на порядок голосования поправок; поправки всюду и всегда вотируются перед голосованием предложения (Плеханов: “Нет.”) Всяду и всегда. (“Верно! Конечно!”) Всяду и всегда.” Плеханов несмотря на крики из зала, был упорен: “На международных конгрессах бывает иначе.”

³⁸ После со-доклада Мартова и прений Ленин отказался делать заключительное слово по своему докладу, и ушел со съезда; потом ушли и его сторонники. И Ленин и Мартов публично обещали обратиться к третейскому суду, так как обвинения Мартова опирались на личные, незапротоколированные переговоры. (Таковую ситуацию, когда депутаты оскорбляли бы друг друга настолько, что нужен был бы третейский суд, Муромцев и Острогорский даже не учли в своем Наказе ГосДумы! Хотя в британском парламенте спикер после заседания был обязан выслушать особо поскандаливших.) Суда не было; после съезда стороны объяснились и так. Но, как пишет Роберт Сервис, Ленин получил настолько сильный удар, что он даже вышел из редакции “Искры”: “В первый и последний раз в жизни он добровольно ушел с высокого поста” (Сервис 2002: 179–180).

³⁹ Любопытно, что в секретарской записи об обвинениях, обращенных к председательствующему, что он не имеет права передавать самолично материалы договора в комиссию (и в защите его действий Лениным) фигурирует не “председатель”, а термин *Praesidium*, т.е. либо латинское слово, либо его кальки в основных европейских языках. Русское, возможно, еще не было широко распространено.

Предложение Тахтарева было поставлено на голосование и проиграло (Протоколы второго съезда заграничной лиги 1934: 65). Плеханов опять апеллировал к опыту международных конференций, чтобы доказать, что он и Ленин правы.⁴⁰

Однако апеллировать к этому опыту как очевидному общему основанию и источнику для хорошо разработанной процедуры было бы странно. Вот описание IV конгресса Второго Интернационала, прошедшего в Лондоне в 1896 году, в котором тоже участвовал Плеханов. Английский автор, написавший краткое изложение прений, был несомненно знаком с местной парламентской процедурой. Потому он был, мягко говоря, удивлен тому, что увидел. Так как еще нет синхронного перевода, то речи переводят последовательно на два других языка (три основных языка конгресса – английский, немецкий, французский). Это отнимает кучу времени, и к концу первого заседания, когда надо утвердить регламент, напряжение нарастает. Немецкие и английские делегаты потребовали остановить прения и принять проект регламента в целом; это не позволило бы больше менять повестку дня, и анархисты остались бы без выступления. Парнелл от лондонского профсоюза плотников, чтобы не исключать анархистов, предложил закончить обсуждение регламента на следующий день, его предложение было поддержано (“ему вторили”, *this was seconded*). Но лидер анти-парламентаристов анархист Малатеста решил, что его должны услышать еще до этого голосования. После полдюжины слов он был прерван звуком колокольчика председательствующего (Full Report 1896: 15–16).

Отчет свидетельствует: “Некоторое время шла борьба между колокольчиком и голосом. Потом все, как казалось, заговорили вместе. Даже самые серьезные души среди сидевших выливали свои эмоции. А владелец зала добавил смятения, угрожая выгнать всех оттуда. Малатеста – низкий, чернявый, нацеленный, твердый – ждал. Зря председательствующий призывал к порядку; так же бесполезны были попытки Зингера проинформировать Конгресс, что немецкая делегация согласилась принять весь регламент. Это были Вавилон и Бедлам в одном месте.” В конце заседания французского делегата Делесаля так толкнули, что он полетел вниз по ступенькам (заседание шло в зале в форме амфитеатра). Поэтому регламент не был принят, заседание закрыли, а на следующий день председательствующим был назначен “доброжелательный деспот” Зингер, который сразу сказал, что ограничивает выступления по каждому пункту до двух ораторов “за” и двух “против”. Одновременно, в рядах вполголоса сообщалось, что организаторы пригласили полицию, которая будет наготове; и если будет снова шум и склока, то она войдет в зал заседаний. Даже в таких условиях, однако, дискуссию было трудно регулировать, и она съехала с обсуждения пункта 11 в регламенте (который де факто позволил бы анархистам выступить на Конгрессе в рамках повестки дня) к обсуждению того, что анархисты и хотели обсуждать прежде всего – цюрихской резолюции о политическом действии (Ibid.: 16–17). Трудно представить себе, что подобные съезды могли служить моделью для дисциплинированного ведения собрания согласно утвержденной процедуре.

⁴⁰ Ср. Наказ III Думы, §174: “Предложенные поправки и дополнения голосуются прежде тех статей, к коим они относятся”.

В третьих, специфика дискуссионной процедуры российских с.-д., как она нам явлена на II съезде РСДРП, видна и в активной роли председателя. И роль эта противоречива. С одной стороны, он иногда сам нарушает процедуру в представлении будущего думского наказа и слишком часто вмешивается в дискуссии, не передавая на это время председательство другому (в других случаях он иногда это делает в соответствии с нормой).⁴¹ Причем нарушения эти могут иметь достаточно грубый характер. И Мартов, и Ленин вспоминают, как на II съезде РСДРП “сильно повредила острота Плеханова об ‘ослах’, которая оскорбила многих делегатов, нашедших, что председателю непозволительно так обращаться с делегатами” (речь Мартова, см.: Протоколы второго съезда заграничной лиги 1934: 96). Ленин так описывает её в “Шаг вперед, два шага назад”: “...когда говорили о свободе языка, то один бундовец, кажется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства. И Плеханов бросил про себя ‘лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают’.” Вывод Ленина: “Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно *принципиальный* характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки ‘свергнуть’ программную комиссию,” настолько разбушевались страсти (Ленин 1904: 212).⁴² Сам Ленин, правда, вмешивался в ход прений еще более беззастенчиво. Троцкий рассказал на втором съезде Заграничной лиги, что именно Ленин, сидя в президиуме заседания II съезда РСДРП, прислал ему записку с просьбой выступить против Бунда как единственного представителя еврейского рабочего класса, после чего и возник скандал между Троцким и Либером (Протоколы второго съезда заграничной лиги 1934: 108).

С другой стороны, съезд РСДРП показывает нам, что, в отличие от думских заседаний, действия председателя можно было поставить под вопрос, т.е. делегаты обладали правом живой (а не письменной и задним числом, как в IV Думе) апелляции. Вот сцена защиты Плехановым своих правомочий после того, как Либер обвинил его в пособничестве оскорблявшему его Троцкому. Плеханов говорит: “Прежде чем продолжать заседание, я должен обратиться к съезду с следующим разъяснением. Я уже имел честь поставить на вид т. Либеру, что председатель действительно должен остановить оратора, когда тот делает бестактное замечание. Но судьей в таких случаях является именно председатель, а не отдельные члены собрания. Я же, как председатель, в заявлении т. Троцкого ничего бестактного не вижу... Но так как все-таки в настояниях т. Либера я вижу неодобрение моему поведению, то переношу этот вопрос на обсуждение съезда и с своей стороны предлагаю выразить президиуму доверие, без которого мы не можем продолжать заседание.” Либер говорит, что он напал не на председателя, а на нетактичность Троцкого. Акимов предлагает, чтобы не создавать “инцидента”, приравнять выступление Либера к личному замечанию, и перейти к делам в очереди повестки дня. Съезд, однако, не голосует за эту

⁴¹ Например, Плеханов уходит с заседания, где обсуждение касается судьбы центрального печатного органа партии, а потому и его лично, оставляя вместо себя председателем Красикова (Второй съезд 1959: 359). То, что норма была очевидна многим, свидетельствуют и слова Мартова, что он не хотел видеть бюро II съезда РСДРП в составе Плеханов-Ленин-Красиков, так как первым двум следовало активно выступать в прениях на этом съезде (Протоколы второго съезда 1934: 93).

⁴² В протоколы эта острота не была занесена; ее отголосок – упрек Егорова Плеханову при сверке протокола того заседания, что тот был слишком ироничен, “отчего и колорит всего заседания получился особый” (Второй съезд 1959: 338–339).

резолуцию, а вместо этого поддерживает резолюцию Ланге и Муравьева: “По поводу заявления т. Либера съезд вотирует доверие бюро и переходит к очередным делам” (Там же: 58–59). Видимо, в глазах участников съезда после такого покушения на авторитет председательствующего требовалось особая резолюция о доверии председателю.

Правила ведения прений в регламентах РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)

Посмотрим, что случилось с установленной в партии процедурой обсуждений дальше. III съезд РСДРП (Лондон, 1905 г.) прошел без тех, кого стали называть меньшевиками, и поэтому по поводу регламента там дебатов почти не было; делегаты просто взяли за основу регламент II съезда (Третий съезд 1959: 10–11). На IV (объединительном) съезде в Стокгольме в 1906 г. случился казус – регламент обсуждали недолго, но ряд статей его так и не были приведены в протоколах съезда. Возможно, этому способствовала баталия по вопросам процедуры, с которой начался съезд сразу после обсуждения регламента. Нефракционные рабочие выступили с двумя заявлениями, что их не пускают на фракционные собрания, и что фракционность недопустима. Большевики настаивали, что это надо обсуждать сразу же. Это предложение к порядку хода заседания дебатировалось, как и требовал регламент и предложил председательствующий на этом заседании Дан, двумя ораторами за и двумя – против. Голосование после этого, однако, было против немедленного обсуждения. Большевики потребовали поименного голосования. Председательствующий был против: поименное голосование, согласно только что утвержденному регламенту, должно объявляться не после, а до самого процесса голосования. Но так как в самом начале съезда в президиум были выбраны Плеханов, Дан и (с трудностями) Ленин, а Ленин был за поименное переголосовывание прямо сейчас, то возникла патовая ситуация (Плеханова не было).

Луначарский предложил передать съезду вопрос о том, менять ли регламент (то есть можно ли объявлять поименное голосование после прошедшего простого голосования).

Меньшевики (Ларин) пытались аргументировать, что это лишь затягивает время прений, так как большинство уже проголосовало. Ответ Ленина был примером демократичности:

“Предложение т. Ларина есть не что иное, как самое грубое издевательство большинства съезда над меньшинством...” Дан как председатель прервал Ленина, призвав его к порядку; лексика Ленина была неприемлема. Но тот его проигнорировал: “Повторяю: это грубое издевательство над правами меньшинства съезда, это попытка уничтожить данные регламентом гарантии прав меньшинства.” В результате Дану пришлось провести поименное голосование о том, надо ли сейчас голосовать на тему правил поименного голосования.

Большевики выигрывают этот, как тогда говорили, “вот” (*vote*), но проигрывают два следующих – 1) что надо сейчас всем съездом поменять только что принятый регламент (в части правил поименного голосования) и что 2) надо сейчас обсуждать внесенные рабочими заявления о фракционности (Четвертый съезд 1959: 14–15).

Из этого эпизода видно, насколько хорошо еще до начала работы царской Думы социал-демократы умели пользоваться утвержденной процедурой своих собраний и взывать к ней как к стандарту защиты прав меньшинства – как если бы приводили аргументы из риторики буржуазного парламента. V съезд РСДРП (Лондон, 1907 г.) якобы не нашел предыдущих с.-

д. регламентов и потому был вынужден долго дебатировать проект нового. В результате дебатов был принят тот, что просуществовал долгие годы: им партия пользовалась и в советское время. Новации сводились к тому, что основной доклад теперь мог занимать 45, а не 30 минут, что замечания “к порядку” требовалось вносить письменно, и на дебаты по такому замечанию можно было выставить только по одному оратору за и одному – против. Ленин предложил не ограничивать право поименного голосования; Либер был против, но проиграл. Мартов предложил запускать поименное голосование, если его требуют не 20, а уже 40 человек; это тоже не получило поддержки. Долго не мог быть разрешен спор, что делать с теми письменными заявлениями к съезду, которые президиум решил не оглашать: прилагать их к протоколам полностью или нет? Председательствовавший думал, что царская Дума не всегда прикрепляет такие заявления; его поправил депутат этой (второй) Думы Алексинский: всегда. Получившийся документ был супер-демократичен, разрешая то, что когда-то делал Плеханов в ответ на критику Либерера, но что тогда не было закреплено в регламенте: “5... на решения бюро допускаются апелляции к съезду. 6. Заявления, не оглашенные полностью, приобщаются к протоколу”(Пятый съезд 1935: 13, 15, 19, 641).

Апелляции к думскому опыту становятся приемлемыми для социал-демократов. Да, они, как и Плеханов в своих высказываниях на II съезде (настолько скандализировавших многих, что на него шикали), понимают, что парламент – временное, а не неременное средство продвижения к лучшему будущему⁴³. Тем не менее, практика работы в царских Думах дала некоторые стандарты сдержанного обсуждения с целью нахождения общей позиции, по крайней мере, тем с.-д., кто оказался депутатами этих Дум. Например, один из них, Скобелев, попав в после февральской революции 1917 г. в Петроградский Совет, в конце марта, на заседании исполкома Петросовета, которое готовило Первый всероссийский съезд советов, отсылал к опыту Думы, когда обсуждался проект регламента съезда. В ответ на предложение ограничить время доклада на будущем съезде 30 минутами Скобелев замечает: “В Думе не огран[ичивали]”. И добавляет предложения по регламенту, которые напоминают смесь партийных и думских наказов: доклад 30-40 минут, заключительное слово докладчика 15 минут; ораторам для выступления в прениях – первое 15 минут, второе 5 минут, третье – 0. Интересно, что его проект не предусматривает внеочередные выступления по заявлениям депутатов. Зато если возникает вопрос “к порядку”, то Скобелев предлагает его обсуждать следующим образом: один “за”, и не больше трех – “против” (Петроградский совет 1993: 614).

Следующий, VI съезд большевистской партии проводился тоже в революционном Петрограде в августе 1917 года, хотя и на полу-подпольных условиях. Потому вопросы процедуры были не так важны; по протоколам кажется, что регламент там вообще не обсуждали. Наверное, за образец был взят регламент V съезда. В отчетах последующих съездов видны детали столкновений по процедурным вопросам, но сам регламент принимался уже квази-автоматически. Показателен в этом отношении регламент, принятый XIII съездом в 1924 г. Он во многом копирует регламент V съезда. Теперь, правда, он

⁴³ Плеханов говорил, что самый совершенный парламент можно принести в жертву революционным нуждам (Второй съезд 1959: 182).

печатается на мандате делегата – так, что его можно сразу принять голосованием и не утруждаться обсуждением документа, уже проверенного долгими годами работы. Учитывая, что это регламент съезда, где шли реальные дискуссии, к нему надо присмотреться внимательнее. Доклад все так же – 45 минут, заключительное слово докладчика – 25 минут. Выступать в прениях по одному вопросу можно два раза, первый – 15 минут, второй – 5. Личные заявления, внеочередные запросы (и заявления) и замечания о фактах вносятся в письменном виде в Президиум и оглашаются по его постановлению. Внеочередные запросы и заявления от группы в 20 депутатов и более оглашаются сразу же. Однако никакие прения по ним не допускаются. Если есть предложения по порядку ведения, письменно внесенные в Президиум, то по ним выступает всего один оратор за и один против, по 5 минут. Поименное голосование проводится по заявлению 15 делегатов с решающим голосом. Все вопросы решаются простым большинством голосов (Тринадцатый съезд 1963: 696).

Сравним эти нормы с тем, что было. Этот регламент уже не дает права апелляции к съезду по поводу действий президиума, как его предоставлял регламент V съезда; и не все заявления будут гарантированно опубликованы в материалах съезда. Некоторые скажут, что это сокращение демократии. Другие скажут: невозможно обсуждать действия президиума, когда в нем на сцене теперь сидит 20 или 40 человек. Но такой спор – не принципиален. Ощущение якобы снижающегося уровня демократичности дискуссий внутри партии – обманчиво. Начиная со II съезда РСДРП самое главное не меняется; право меньшинства на защиту своего права продолжать прения, если большинство хочет их закончить, не гарантировано никаким вето (как в Наказе ГосДумы). Поэтому, похоже, только дворянская или интеллигентская культура позволяла и Ленину и его оппонентам пользоваться регламентами РСДРП разных лет, чтобы защищать себя, когда они оказывались в меньшинстве. Меньшинство не давили до конца.

Посмотрим, однако, что происходит, когда эта культура внутри партии превращается из доминантной в маргинальную. XIII съезд – время, когда после смерти Ленина в нее по “ленинскому призыву” в январе-мае 1924 г. приходят около 240,000 рабочих от станка; многие из них до этого еще недавно были “от сохи”. Партия в результате этого почти что удваивается в размере между XII и XIII съездами, и характер дебатов на съездах меняется. Незадолго до этого троцкисты в конце 1923 года начинают кампанию за демократизацию в партии, говоря, что она бюрократизируется. Письма Троцкого на эту тему вызывают внутрипартийную дискуссию; но организационный аппарат партии в руках Сталина, да и съезд проходит впервые после призыва толп необразованных рабочих в партию.⁴⁴ Троцкий в своем выступлении на нём не говорит о том, что после XII съезда в РКП(б) создан, якобы по модели парламентов буржуазных стран, сеньорен-конвент, или “совет старейшин”. В буржуазных парламентах этот орган объединяет глав разных парламентских фракций, которые вместе решают оргвопросы, а в РКП(б) сеньорен-конвент – это собрание глав региональных делегаций, который заседает за два дня до съезда, являясь фактически пред-

⁴⁴ Ленин в завещании к съезду написал, что конфликт между двумя вождями партии – Троцким и Сталиным – опасен для нее. Сталина из-за грубости надо убрать с поста генсека. Письмо зачитывается на закрытых заседаниях съезда. Сталин остается по решению большинства, но и Троцкого еще не шельмуют по полной программе.

съездом и предопределяя его решения. Такие заявления были бы прямым публичным объявлением войны Сталину. Вместо этого Троцкий атакует забюрокративание на низовом уровне и цитирует доклад Бухарина про состояние московской парторганизации, где секретарей первичек фактически назначают из райкома и горкома: приезжают, собирают собрание, показывают нового парторга, спрашивают “кто против?”, и так как все боятся возразить, новый лидер садится в кресло руководителя первички без проблем (Тринадцатый съезд 1963: 148).

Последовавшие выступления в прениях показывают, насколько он прогадал. Например, Угланов говорит: у нас партия теперь имеет на 70% низшее образование, но у нее огромный жизненный опыт, и она сразу видит, в чем суть дела. Письма Троцкого нанесли урон партии, дискуссия привела к ее ослаблению; он, таким образом не помогает партии и ее доблестному ЦК, действует против решение X съезда о фракционности. А его витиеватые аргументы и попытка дать меньшинству право на слово – странны в ситуации войны и враждебного окружения: “Я считаю, что тот, кто хочет драться вместе с партией и через партию, на партийном съезде не должен произносить парламентских речей!” Протокол отмечает аплодисменты и возгласы “Правильно!” Гулый продолжает: надо этого Ваську, “который слушает да ест” – то есть Троцкого, который слушает осуждение его действий большинством партии, но продолжает заниматься тем же – заставить, чтобы “он говорил... не дипломатически, не по-парламентски, а чисто по-революционному... Нам, рабочим, в течение шестилетней революционной борьбы стали понятны эти ученые фразы, и мы их понимаем не иначе как дипломатию, как планирование, как выкручивание для того, чтобы обвинить других, а себя оправдать.” Гулый добавляет: а что до фактических деталей, то у нас в районе, например, просят – “пришлите парторга, а то своих умелых нет.” Далее выступает Захаров и показывает, почему все парламентские приемчики и выверты Троцкого и надежда на дискуссию больше не работают. Он говорит: мы на этом съезде тоже сразу утвердили состав Президиума и порядок дня без разговоров. Но что в этом плохого? Это же хорошо! Под аплодисменты он продолжает: это означает, что мы наконец научились выбирать президиум и намечать порядок дня. “Было время в 1917 г., когда мы спорили часа по два на выборах президиума, а насчет порядка дня полдня затрачивали. Это не дело и на это ссылаться не стоит” (Там же: 162–163; 170–171).

Регламент следующего, XIV съезда партии (прошедшего в декабре 1925 года) не был опубликован в его материалах. Голосовался он также, как и на XIII – т.е. был заранее напечатан “на членских карточках” и потому считалось, что каждый с ним ознакомился, и делегаты его быстро единогласно приняли (Четырнадцатый съезд 1926: 8). Но то, что некоторые все еще пытались заставить его работать, что меньшинство пыталось на него опереться, чтобы защитить свои права, видно, например, из следующего эпизода в начале съезда. Регламент нынешнего съезда еще не был проголосован, как возникли разногласия по составу Президиума. Многочисленная ленинградская организация подала письменное заявление председателю Рыкову (как того и требовал, например, регламент XIII съезда, утвержденный год назад) на внеочередное выступление. Слово было предоставлено. Представитель ленинградцев Авдеев зачитал заявление про то, что сеньорен-конвент партии

при подготовке съезда против их воли назначил их представителем в Президиум Комарова, когда они хотели Бадаева. (Комаров в дискуссии, развернувшейся перед съездом между ленинградцами и ЦК, поддерживал ЦК). Председательствующий дал слово Антипову, который сказал, что сеньорен-конвент избирает в Президиум не представителей отдельных организаций, а персонально отдельных личностей. Ленинградцы попросили дать выступить, в соответствии с регламентом, делегату, кто был бы “за” предложение убрать Комарова и включить Бадаева, но Рыков не дал этого сделать, сказав, что уже было одно выступление “за” и одно “против”, только первый (Авдеев) читал по бумажке, а второй (Антипов) – говорил сам.

Налицо было использование председательствующим Рыковым своего поста для неисполнения требований регламента, но оспорить эти действия ленинградцы никак не могли. Регламент прошлого, XIII съезда этого не позволял, да и Президиум, в который можно бы было внести какие-либо заявления или суждения “к порядку”, не был на XIV съезде еще избран. Характерна речь Евдокимова из ленинградской организации, пытающегося убедить аудиторию, что здесь есть нарушение порядка честно организованного дебата: “Товарищи, я бы просил на одну минуту, которую мне предоставили, сохранить терпение. Не ставьте нас в такое положение, что нам сюда нельзя выйти даже по деловым вопросам без того, чтобы не раздавались реплики. Я взял слово к порядку голосования и говорю по этому вопросу. Мы вошли с предложением; против этого предложения высказался один товарищ, теперь мы просим слово в защиту своего предложения. Никакого нарушения со своей стороны мы не делаем, мы хотим только, чтобы наши законные права были осуществлены.” После этого выступления Рыков всё равно сразу же поставил на голосование предложение, что пора закрыть дискуссию по этому вопросу (большинство было “за”), и поставил на голосование предложение о введении Бадаева в Президиум (большинство было “против”) (Там же: 5–6). Вопрос был закрыт. Регламент стал орудием быстрого подавления меньшинства, особенно, когда председательствующий играл в этом активную роль. То, что заложили в основание функционирования партийного регламента Плеханов и Ленин еще на II съезде, приносило свои плоды.

Битвы по процедурным вопросам, однако, становились все менее вероятны. Протоколы или стенографические отчеты съездов, если и издавались, как в случае с XIV-XV-XVI съездами (Госиздатом, в 1926-1928-1930 гг.)⁴⁵, то не содержали текста регламентов, что затрудняло их использование как на съездах, так и в работе парторганизаций более низкого уровня или первичек. Исключением было несколько публикаций в середине 1930-х гг. Например, текст партийного регламента приводился в протоколах V съезда, опубликованных в 1935 году, и в протоколах IX съезда, опубликованных в 1934 году (Пятый съезд 1935: 641; Девятый съезд 1934: 475).⁴⁶ Но это было уже начало эпохи высокого сталинизма, так что ни публикация этих протоколов, ни публикация в 1934 году протоколов Заграничной лиги русской

⁴⁵ Протоколы VI съезда (август 1917 года) были изданы в 1962 г., VII (1918 г.) – в 1962, VIII (март 1919 г.) – в 1959. Протоколы X съезда (1921 год) были изданы в 1934 г., но не содержали текста регламента.

Стенографический отчет ключевого XIII съезда (с указанием текста регламента) был издан только в 1963 году!

⁴⁶ Шаблон регламента IX съезда 1920 года воспроизводится и в регламенте XIII съезда; т.е. из модели регламента V съезда уже устранено право апелляции.

революционной социал-демократии от 1903 г. (где тоже был приведен особый регламент и прения по нему) не могли повлиять на сложившуюся структуру власти внутри партии.

Советские собрания

Каково было то минимальное представление о собрании, которое в результате получили массы людей в советском обществе, когда изоэтранные практики партийной элиты были сначала разжижены приходом рабочих и крестьянских масс в партию, а потом упрощены, если не отменены? Нам придется считаться с этим практическим фоном, чтобы оценить насколько реалистично введение новой, адаптированной к современности модели наказа Муромцева-Маклакова для помощи в проведении собраний различных ассоциаций нынешней России. Ведь это советское интуитивное представление о том, как проводить собрание, сохраняется теперь в остаточном виде и в пост-советской действительности, если учесть, что теперь нет пионерских дружин и комсомольских организаций, и всяческие школьные и университетские собрания проводятся нынешней молодежью на базе навыков, переданных им их воспитателями, учителями и профессорами, в чьих телах, так сказать, вписано еще советское время.

Помня о том, что нормативно-прескриптивные брошюры не есть отражение реальных практик, а всего лишь пожеланий по их насаждению или поддержанию, посмотрим на несколько руководств по проведению собраний. О рекомендациях 1940-х, времени высокого сталинизма, можно судить, например, по книге 1943 года (О работе комсомола 1943). Раздел ее под названием "Как подготовить и провести комсомольское собрание" как бы подчеркивает (для современного читателя, конечно!) первое и главное качество, которое отличает это собрания от заседания парламентской группы или от группы гражданского общества, желающей быстро придти к суждению об общей позиции и курсе действий. Комсомольское собрание есть прежде всего "школа воспитания молодежи." Его функции – дидактические (т.е. учительные) и моральные: развить личность молодого человека.

Отсюда исходят все его основные (и очень нетрудные в исполнении) требования к дисциплине, которые отличают его от тех собраний, что мы рассматривали до сих пор. Дисциплина особенно важна для издания 1943 года еще и потому, что книжка написана для негородских сообществ, и написана к тому же в разгар страшной войны, которая поставила все нормы обыденной жизни под вопрос. Главное здесь – провести собрание в точно означенное время. Явиться вовремя – обязанность каждого комсомольца; неявившихся, если они не пришли без уважительной причины, комсорг должен индивидуально "пропесочить" на следующем собрании. Второе – надо соблюсти все последовательные стадии собрания, приведенные в книге для читателя в сжатой, скомпрессованной модели: избрание президиума – принятие повестки дня и регламента – главный доклад – вопросы/ответы – прения по докладу – заключительное слово докладчика – решения собрания – протокол. Скелет происходящего задан; он скучно привычен для всех жителей сегодняшней России. Но что среди вспомогательных советов о том, как все это должно пройти, напоминает нам парламентскую процедуру?

Естественно, парламентаризм и коллективное обсуждение с целью принятия решения здесь представлены минимально. Например, регламентом определяется не “порядок суждений,” как назывался раздел, где всё это детально прописывалось в первой версии наказа Муромцева-Острогорского, а “количество времени, которое дается докладчику и выступающим в прениях.” И всё! Учитывая, что более подробных регламенто-подобных правил не дается, председатель рассматривается как центральная для происходящего фигура: “он должен чутко прислушиваться ко всем (!! – О.Х.) замечаниям и предложениям комсомольцев, следить за порядком, за соблюдением установленного регламента” (Там же: 242). Предполагается, что его стихийного практического чувства, что нужно для регулирования обмена мнениями, хватит для достижения его особой цели. Ведь он должен гарантировать не коллективное продвижение к какому-то общему решению, а всего лишь “активность собрания”. Опять же, разница заключается в том, что группа не ищет решения; основные и общие решения уже даны линией партии. Задача – обеспечить активное понимание этой линии, и участие в обсуждении того, как приземлить общие решения партии на ситуацию данной комсомольской ячейки. Моральная или квази-религиозная (активное участие в обсуждении вопросов веры) функции здесь явно перевешивают инструментальные задачи – например, дать группе возможность найти общее мнение.

Мы читаем: “когда вопрос уже достаточно выяснен, обсуждение его по желанию собрания может быть прекращено.” Но председатель де факто, конечно же, имеет свободу решать, когда остановить прения, так как ни права оспаривать действий председателя, ни какого-либо описания других средств регулирования его поведения у собрания нет. Председатель также ответственен и за след в истории; он должен составить протокол в двух экземплярах (один пойдет в райком, другой останется у него) по следующей модели: сколько человек участвовало, повестка дня, что слушали (краткое изложение доклада и предложений докладчика), что товарищи сказали в прениях, и что постановили (Там же: 243-245). Известная всем до боли форма жизни под названием “слушали – постановили” запущена в ход, и стоимость этого пуска минимальна. Надо просто назначить председателя-пастыря, вручить ему стадо и святую истину, и заставить его регулярно обсуждать ее с паствой. Ну а дальше он сам разберется. В обществе, где есть согласие в вопросах истины, не нужны механизмы регулирования на собрании взаимоотношений пытающегося господствовать большинства, знающего истину, и противостоящего этому меньшинства, которое с этой истиной несогласно.

Другая брошюра, изданная для колхозников в 1945 году, меньше напирает на сознательность и воспитание, так как она, во-первых, “для взрослых”, во-вторых, колхоз (все же это прежде всего хозяйственная единица) не имеет таких непосредственно морализирующих целей, как комсомол (Как провести 1945). 15-страничный текст посвящен тому, как готовить отчетный доклад, что отразить в нем, как не забыть про необходимость иметь кворум и 2/3 голосов, в каком помещении его лучше проводить. Только несколько строчек посвящены прениям. Во-первых, на отчетное собрание хватит одного пункта повестки дня, “чтобы не скомкать обсуждение и дать возможность наибольшему числу участников собрания высказать свои соображения.” Во-вторых, “избранный собранием президиум должен поддерживать строгий

порядок. Нужно создать такую обстановку, чтобы члены артели могли спокойно высказываться, по-деловому обсуждать отчет” (Там же: 23). Высокая задача воспитания масс здесь не важна. То, что осталось – это задача имитировать их участие в управлении; а председатель (президиум) – главная единица в обеспечении этого.

Эта сталинская структура практик начинает меняться, как кажется, во время хрущевской эпохи. Посмотрим на типичную брошюру из профсоюзной жизни. Структура “слушали – постановили”, естественно, налицо. Но разбуженные оттепелью массы получают новое оружие: “вопрос об окончании прений решается большинством голосов открытым голосованием” (Вавилкин 1959: 48). Конечно, открытое голосование – не закрытое, и им легко манипулировать; но в источниках сталинской эпохи даже не упоминается сама возможность ставить вопрос об окончании прений на голосование. Вторая инновация – это функции президиума. Кроме того, что он должен следить за регламентом, повесткой дня, писать протокол, он должен теперь пресекать все попытки зажать критику масс. И президиум должен теперь бороться с горлопанами, которые кричат выступающим: “Скажи о себе!”, “Что ты сам сделал?” и т.п. Их надо призывать к порядку, правда, прежде всего не потому, что они переходят на личности (а это приведет к конфликтам), и не потому, что они тормозят работу группы по достижению общего решения, а потому, что они могут дискредитировать саму идею критики, используя ее в личных целях (там же: 31). Похожая брошюра, но изданная три года спустя, описывает уже и механизм внеочередного высказывания, возможно, исходя из практики, которую наблюдали авторы: если по ходу собрания кто-то захочет дать справку, то не стоит ее автоматически ставить в конец прений. Вовремя сделанные справки позволяют предотвратить ошибки, погасить в зачатке возникновение ненужных споров (Вавилкин, Лаврешина 1962: 19).

Хрущевский радикализм, связанный, наверное, с созданием Комитета партийно-государственного контроля и с предельным развязыванием критической энергии масс, видим и в профсоюзной брошюре 1964 года. Она начинается с “Инструкции о проведении выборов профсоюзных органов,” принятой Президиумом ВЦСПС 17 января 1964 года, где приводятся стандарты обсуждения кандидатур: для остановки прений по поводу какого-либо кандидата и включения его в бюллетень требуется открытое голосование профорганизации, а если по кандидату были отводы, то нужно еще и дополнительное открытое голосование по вопросу, ставить ли вообще его на голосование по включению в списки кандидатов. Контроль, однако, не передается в руки масс и в этом радикальном документе: если члены профбюро и ФЗМК (фабрично-заводского или местного комитета профсоюза) избираются закрытым голосованием, то председатели профбюро и ФЗМК выбираются открытым голосованием. По процедуре брошюра уточняет, что порядок прений оформляется на основании письменных заявлений; причем “председательствующий обязан давать слово выступающим в порядке поступления от них заявлений” (Как провести 1964: 12–13; 27).

Насколько все эти пожелания оставались на бумаге или были плодом фантазии людей, писавших подобные брошюры, видно из книжечки, рассказывающей о типичных искажениях процедуры при проведении партийного собрания. Первое и самое типичное – это собрание, где после ритуального доклада в ответ на вопрос “Кто желает выступить?” повисает

“тягостное молчание.” Потом на трибуну идет редкая цепочка местных записных ораторов, т.е. лидеров организации, которым не отвертеться от выступления по должности. “Прения, как говорят, ‘развернулись’,” пишет ироничный автор. Его ирония пропадает в оценке результата: “коммунисты покидают зал с чувством неудовлетворенности: выступления на партийном собрании не обогатили их.” Второе искажение – это зажим критики. Пример – это “бестактная реплика замсекретаря партбюро” на одном из собраний, которое посещал автор. Реплика была предназначена работнице, выступавшей с критикой партбюро: “она, мол, идет в хвосте отсталых настроений.” Третье искажение – это когда члены президиума превращаются в “регулирующих” прений: дают слово “спокойным” людям, а “принципиальные коммунисты” ставятся в конец списка выступающих; поэтому часто слова в прениях они так и не получают (Бонарев 1962: 14–15, 28).⁴⁷

Заметьте, что цель собрания здесь напоминает цель комсомольского собрания, как его рекомендовали проводить еще в 1940-е гг.; политические организации (такие как комсомол и партия) стремятся не просто обсудить проблемы производства и техники, а сделать так, чтобы посетившие их собрание ушли “обогащенными”, т.е. развили бы себя в понимании коммунистических ценностей (прирост ценностей и дает особое, духовное богатство) или прибавили в знаниях. Если они этого не получают, значит, морально-воспитательная функция собрания не работает; есть только ритуализм (слово “технократизм” тогда еще не знали). Интересно, что брошюра начинается с отсылки к письму ЦК 1924 г. “Об очередных задачах работы партийных производственных ячеек,” когда после “ленинского призыва” партия пыталась понять, что ей делать с наплывом новых необразованных коммунистов. Она рекомендовала тогда опереться не на пришедший партийный молодежь, а на “средняков-партийцев”, привлекая их к ведению собраний, в повестку дня которых надо было включать все реально интересное, чтобы вновь вступившие не разочаровались в партии, и реально духовно “обогатились” (Бонарев 1962: 8).

Нравоучительная функция партсобрания видна и в брошюре о том, как провести собрание в небольшой партгруппе. Понимая, как и полковник Роберт, законы жанра и особенности малой группы, автор советует упростить и смягчить обязательную процедуру “слушали – постановили”: не избирать президиум такого собрания, вести его самому, не утверждать регламент и не вести протокол (хотя после собрания, чтобы запомнить для будущей работы то, что произошло, стоит оставить заметки в своем дневнике). Но есть одно, что никогда бы не посоветовал Роберт: надо обязательно упоминать в откровенном партийном разговоре всех по именам, так как только тогда отдельные личности задумаются о своих персональных недостатках, захотят поработать над своими ценностями, и исправят эти недостатки (Ширяев 1968: 35–38).⁴⁸ Функция такого, даже малого собрания – воспитание личности, а не нахождение общей позиции группы. В этом и разница.

⁴⁷ Похожий перечень дает и брошюра про обычные рабочие собрания: партия недалеко ушла от класса. На таких собраниях: 1) якобы часто давали слово только записавшимся заранее, а остальных исключали; 2) если записывали всех желающих, то переставляли записавшихся по своему желанию, и несправедливость этого была очевидна всем: почему этот вдруг выступает не в порядке записи?; 3) прекращали прения после 2-3 выступлений, если из зала 2-3 голоса кричали “Довольно!” (Игнатъев 1965: 62-63.)

⁴⁸ Некоторые особо рьяные авторы, исходя, видимо, из того, что любой сознательный рабочий это уже будущий коммунист, требовали ввести нравоучительную функцию и в профсоюзные собрания; например, надо

Что делать?

Я редко пишу статьи, заканчивающиеся призывами к действию, но здесь этого не избежать. Во-первых, было бы неплохо адаптировать Наказ Муромцева-Острогорского-Маклакова к нуждам современной России, и, прежде всего, к нуждам ассоциаций её гражданского общества. Во-вторых, мы должны изучить несколько не до конца понятных нам вопросов.

Начну с первого. Если адаптировать Наказ, то надо прежде всего добавить в него две вещи. Сначала обязательно ввести процедуру апелляции члена группы ко всей группе по поводу действий председателя собрания, чего в Наказе почти не предусматривалось. Если есть опасность, что такая апелляция может привести к постоянным обструкциям и к торможению работы группы, то надо, наверное, ввести механизм ее поэтапного введения во времени. Потом надо ввести жесткие правила насчет запретов переходить на личности, и исключений, когда это допускается (работа в малых комитетах, например). Надо помнить, что тенденция использовать имена проистекала у масс из желания красиво и обидно победить конкретного соперника в дискурсивном бою, а у партийных идеологов – из желания воспитывать каждую отдельную личность. Задачи такого воспитания ушли; а группа людей, собравшихся что-то сделать вместе, может в конце концов понять, что выгоднее заняться странным ритуалом неназывания сидящих в зале по имени, чем похоронить саму возможность что-то сделать вместе из-за постоянно возникающих склок. Нашей задачей теперь также не является проводить собрания, чтобы сообщить аудитории, что является истинной верой или просто истиной. Наша задача – дать группе с разными индивидуальными мнениями по определенному вопросу представить их друг другу, обсудить их, и в обозримое время прийти к эффективному суждению насчет того, чего данная группа хочет. А группа людей, желающих добиться чего-то вместе, может в конце концов понять, что если всегда есть расхождение мнений, то надо процедурно защитить меньшинство от тирании большинства через право апелляции на действия председателя. Иначе меньшинству будет, как обычно, ничего не оставаться, как выйти из группы, и основать еще меньшую группу, что часто хоронит саму возможность что-то сделать вместе – как для тех, кто ушел, так и для тех, кто остался.

Кроме переделки Наказа, надо обобщить, и, если надо, дополнительно изучить прежде всего тот практический фон, с которым придется считаться попыткам предложить использовать Наказ в работе разнообразных групп и ассоциаций в России. Мы сейчас до конца не знаем, насколько советские практики проведения дискуссий до сих пор воспроизводятся при проведении разнообразнейших собраний в России в разных сферах ее общественной и публичной жизни. Возможно, 25 лет жизни после перестройки уже повлияли на обычные навыки и интуиции по проведению таких собраний. Возможно, есть новые социальные или этноконфессиональные группы, где они ослаблены или не действуют, а начинают действовать какие-то другие. (Впрочем, некоторые материалы данной книги, как кажется, не дают оснований для таких надежд – см. первые три главы второго раздела).

Второе, что надо сделать – это найти ассоциации гражданского общества, которые желали бы поэкспериментировать с правилами Наказа. Ясно, что это легче предлагать тем группам, которые уже знакомы с правилами парламентской процедуры. Например, мы видели, как это работает (или нет) во время конференции российской научной диаспоры, проведенной в ЕУСПб в 2010 году. Ученые, имеющие профессорские позиции в ведущих университетах Северной Америки или Западной Европы, обычно знакомы с практиками дебата во время факультетских и университетских заседаний или с тем, что происходит во время встреч разнообразных комитетов, где им приходится часто встречаться, решая проблемы своих факультетов и университетов. Потому отсылка к методу ведения дискуссии, как это делают “там”, может срабатывать в ассоциациях, члены которых это “там” знают. Таких ассоциаций, правда, наверняка мало. Но здесь важно посмотреть, как они бы руководствовались правилами Муромцева-Острогорского-Маклакова, если бы эти правила были предложены такой группе или ассоциации.

Более важно, конечно, найти не тех, кто мог бы принять и использовать Наказ в своей жизни, а тех, кому это действительно нужно. Надо найти такие группы или ассоциации (от незарегистрированных движений до зарегистрированных НКО, муниципалитетов и общероссийских организаций), кому Наказ помог бы в реализации их конкретных практических целей. Проблема России – не только в том, что в ней нет регистра публичного языка и все забыли про попытки ввести механизмы выработки такого языка в прошлом. Проблема в России – в том, что трудно быстро, навскидку, обрисовать группу тех ассоциаций, кому такие механизмы были бы действительно нужны.

Дело в том (и здесь я пишу очень крупными мазками), что наши собрания не есть места общения равных. Конечно, и встречи многих групп и ассоциаций гражданского общества в Северной Америке и Западной Европе – тоже, по мнению многих их участников, лишь поддерживают видимость того, что можно практически оспорить действия председателя или руководства. Но постоянная претензия на то, чтобы поддерживать такую возможность в принципе, есть; иначе будет убита даже иллюзия формального равенства. Правила полковника Роберта, например, ограничивают председателя через право апелляции, не дают ему голосовать (разрешая это только в патовых ситуациях или супер-малых группах), делают его переназначение зависящим от голосов членов группы, удерживают мощь большинства хоть в каких-то рамках приличий и заставляют выступающего говорить так, как если бы он искал совместного решения общей проблемы вместе с другими равными ему членами группы, а не пытался убить оппонента ловким словом. Все это делает группу институтом, а не школой воспитания личности или местом оскорблений одних другими.

В России же собрание чаще всего не есть собрание равных. Если это уже существующая организация, то ясно, кто главнее. Если ассоциация или группа только создаются, то предложения о том, кто станет её председателем, зависят, как мне кажется, от того, у кого больше социального, экономического или культурного капитала (в зависимости от той сферы, где действует группа). Председателем становится не только тот, кто может достичь наибольшего для группы, но и тот, с кем большинство рядовых членов группы хотели бы оказаться вместе, чтобы попасть в выигрывающую фракцию, когда будут делиться текущие

или будущие заслуги, приобретения или доходы от деятельности группы. Выступления на собраниях потому из обсуждения курса совместных действий превращаются в демонстрацию эрудиции, лояльности начальнику или в попытку ему понравиться. А голосование на таких собраниях проводится не чтобы выяснить, что группа равных хотела бы сделать вместе, а чтобы увидеть, кто быстро поддержит председателя, который подымает руку первым, или кто достаточно смел, чтобы не сразу бежать в побеждающую фракцию. Правила Роберта или Наказ Муромцева-Острогорского-Маклакова никогда не смогут сами по себе преобразовать всю эту машинерию, основанную на неравенстве и желании оказаться среди группы победителей за счет проигравших.

Поэтому первоочередная задача – это найти те группы или организации, где проблема равенства среди руководства группы стоит достаточно остро, так как есть раскол элиты данной группы. И есть либо угроза патовой ситуации, потому что элита раскололась на примерно равные по силе подгруппы, либо угроза тирании большинства, которая может наступить, если одна из подгрупп сможет наконец начать умело манипулировать председательской позицией. Если не найти таких ассоциаций, которые смогли бы решить свои реальные проблемы с помощью Наказа, то он так и останется красивым экспериментом, или фантазией на бумаге. А мы так и останемся в стране, если не заветов, то уж точно наказов Ильича.

Литература

- Бонарёв 1962: Бонарёв, Н. Партийное собрание, из серии “Библиотечка секретаря парторганизации”, М.: Московский рабочий, 1962.
- Вавилкин 1959: Вавилкин, В. Как подготовить и провести профсоюзное собрание, из серии “Библиотечка профсоюзного активиста”, М.: Профиздат, 1959.
- Вавилкин, Лаврешина 1962: Вавилкин, В., Т. Лаврешина, Как подготовить и провести профсоюзное собрание в совхозе, из серии “Библиотечка сельского профсоюзного активиста”, М.: Профиздат, 1962.
- Второй съезд 1959: Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959.
- Девятый съезд 1934: Девятый съезд РКП(б), март-апрель 1920. Протоколы, под ред. Н.Л. Мещерякова, М.: Партийное издательство, 1934.
- Демин 1996: Демин, В. А. Государственная Дума России (1906-1917): механизм функционирования. М.: Росспэн, 1996.
- Игнатъев 1965: Игнатъев, Н. Как подготовить и провести рабочее собрание, из серии “Библиотечка профсоюзного активиста”, М.: Профиздат, 1965.
- Как провести 1945: Как провести отчетное собрание в колхозе, из серии “В помощь председателю колхоза”, М.: Московской большевик, 1945.
- Как провести 1964: Как провести отчеты и выборы профсоюзных органов, из серии “Библиотечка профсоюзного активиста”, М.: Профиздат, 1964.

- Кириянов, Лукьянов 1995: Кириянов, И. К., М. Н. Лукьянов, Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917, Пермь: Издательство Пермского университета, 1995.
- Котляревский 1911: Котляревский, С. С. А. Муромцев и думский распорядок // Сергей Андреевич Муромцев, М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1911.
- Крылов 1963: Крылов, Б. С. Парламент буржуазного государства. М.: Издательство Института международных отношений, 1963.
- Ленин 1902: Ленин, В. И. “Доклад редакции 'Искры' совещанию (конференции) комитетов РСДРП,” 5 мая 1902 г., Полное собрание сочинений (5 изд.), том 6, М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.
- Ленин 1903а: Ленин, В. И. “Неподанное заявление”, 29 октября 1903, Полное собрание сочинений (5 изд.), том 8, М.: Издательство политической литературы, 1967.
- Ленин 1903б: Ленин, В. И. “План-конспект доклада о II съезде РСДРП на съезде Лиги”, Полное собрание сочинений (5 изд.), том 8, М.: Издательство политической литературы, 1967.
- Ленин 1904: “Шаг вперед – два шага назад (кризис в нашей партии)”, февраль-март 1904, Полное собрание сочинений (5 изд.), том 8, М.: Издательство политической литературы, 1967.
- Маклаков, Пергамент 1907: Маклаков, В.А., О.Я. Пергамент, Наказ Государственной Думы. По работам 2-й Государственной Думы. СПб.: Право, 1907.
- Материалы 1907: Материалы по составлению Наказа Государственной Думы, СПб: Государственная типография, 1907.
- Муромцев 1906: Муромцев, С. А. Новые главы наказа государственной думе (главы четвертая и пятая) // Право 1906. № 24.
- Наказ 1906: Наказ Государственной Думы. Проект. СПб.: Издательство товарищества “Общественная польза”, 1906.
- Наказ 1909: Наказ Государственной Думы, СПб., 1909
- Наказ 1915: Наказ Государственной Думы. Предметный алфавитный указатель к Наказу Государственной Думы. Петроград, 1915.
- Наказ палаты 1906: Наказ палаты депутатов Французской республики // Журнал министерства юстиции 1906, №2.
- Нольде 1906а: Нольде, А. Наказы рейхстага Германской империи и Прусской палаты депутатов // Журнал министерства юстиции 1906, №1.
- Нольде 1906б: Нольде, А. Порядки австрийского парламента // Журнал Министерства Юстиции, 1906, №3.
- О работе комсомола 1943: О работе комсомола на селе, из серии “Сельскому комсомольцу-активисту”, М.: Молодая гвардия, 1943.
- Очерк внутренней жизни 1906: Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы: краткий свод данных о порядке прохождения законодательных дел

в представительных учреждениях Германии, Пруссии, Франции, Англии и Австрии и о внутреннем устройстве этих учреждений. СПб.: Государственная типография, 1906.

Петроградский совет 1993: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году, под ред. П.В. Волобуева, 2 изд. СПб.: Библиотека “Звезды”, 1993, том 1.

Пиленко 1907-1908: Пиленко, Ал. Русские парламентские прецеденты (порядок делопроизводства в Государственной Думе), вып. 1. СПб.: Издательство товарищества “Общественная польза”, 1907; вып. 2, СПб.: Издательство товарищества “Общественная польза”, 1908.

Протоколы второго съезда заграничной лиги 1934: Протоколы второго съезда заграничной лиги и “Комментарий” к ним, под ред. М.Д. Орахелашвили. М.: Партийное издательство, 1934.

Пьер 1908: Пьер, Эжен. *Traité de droit politique, electorale et parlementaire*, перевод книги VI, отдела II, 2 и 3 глав (о порядке производства дел в комиссиях), книги I, отдела II, §2 главы 2 (о законодательной инициативе), книги IV, отдела III, 2 и 3 глав (права каждой из Палат в области госфинансов и составление и внесение закона о бюджете), книги VI, отдела III, §5 главы 3 и §4 главы 7 (обсуждение и голосование закона о бюджете). СПб.: Канцелярия Гос. Думы, 1908.

Пятый съезд 1935: Пятый съезд РСДРП, май-июнь 1907 года. Протоколы, 2 изд., под ред. Е. Ярославского, М.: Партиздат, 1935.

Роберт 1992а: Роберт, Генри М. Правила парламентской процедуры, пер. Алексей Левин, Вашингтон: Проблемы Восточной Европы / *Problems of Eastern Europe*, 1992.

Роберт 1992б: Роберт, Г. М. Азы парламентской культуры. Trans. Raphael Nudelman, New York: Liberty Publishing House, 1992.

Саврасов 2010: Саврасов, А. Ф. Наказ Государственной Думы (1906-17 гг.): история создания и применения. Дисс. канд. ист. наук, Воронеж: ВГУ, 2010.

Сервис 2002: Сервис, Роберт. Ленин, Минск: Попурри, 2002.

Третий съезд 1959: Третий съезд РСДРП, апрель-май 1905 года. Протоколы, М.: Госполитиздат, 1959.

Тринадцатый съезд 1963: Тринадцатый съезд РСДРП, май 1924 года. Стенографический отчет, М.: Госполитиздат, 1963.

Хархордин 2011: Хархордин О. В. “От засилья общественности к силе публичного действия?” // От общественного к публичному, СПб.: Издательство ЕУСПб, 2011, стр. 525.

Хархордин, ред. 2011: От общественного к публичному. Отв. ред. О. В. Хархордин. Издательство ЕУСПб. 2011 [Серия «*Res Publica*», вып. 5]

Четвертый съезд 1959: Четвертый (объединительный) съезд РСДРП, апрель (апрель-май) 1906 года. Протоколы, М.: Госполитиздат, 1959.

Четырнадцатый съезд 1926: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (Б). Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1926.

- Ширяев 1968: Ширяев, А. Как провести собрание, из серии “Библиотечка партгруппорга”, М.: Московский рабочий, 1968.
- Шотман 1987: Шотман, А. В. Второй съезд партии // Дайте нам организацию революционеров... М.: Издательство политической литературы, 1987.
- Carlier 2011: Carlier, Fabrice. Reussir a animer ma premiere reunion. Levallois-Perret: Vocatis, 2011.
- Cushing 1845: Cushing, Luther S. Manual of Parliamentary Practice: Rules of Proceeding and Debate in Deliberative Assemblies. Boston: William J. Reynolds, 1845.
- Dhont 2007: Copropriété: tout sur l'assemblee generale, sous la dir. de Bruno Dhont. Paris: Collection ARC/Vuibert, 2007.
- Dobrohodov 2010: L'assemblee generale en copropriété. Preparer et conduire cette reunion capitale dans le respect des textes en vigueur (redaction: Christine Dobrohodov), Paris: ARC/Vuibert, 2010.
- Fletcher 1966: Fletcher, Giles. Of the Russe Commonwealth, facsimile edition, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966.
- Full Report 1896: Full Report of the Proceedings of the International Workers' Congress. London, July and August 1896. Glasgow and London: The Labour Leader, 1896.
- G.P.1690: G.P., Esq., Lex parliamentaria or, A Treatise of the Law and Custom of the Parliaments of England, London, 1690.
- Geschäftsordnung 1964: Geschäftsordnung für den Reichstag vom 10. Februar 1876./ Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte (Hrsg. E.R. Huber). Stuttgart: Kohlhamer, 1964, Bd. 2: Deutsche Verfassungsdokumente 1851-1918.
- Jefferson 1813: Jefferson, Thomas. A Manual of Parliamentary Practice, for the Use of the Senate of the United States, 3rd edition, Lancaster, PA.: William Dickson, 1813.
- Jefferson 1871: Jefferson, Thomas. A Manual of Parliamentary Practice... with Reference to the Practice and Order of the House of Representatives, the Whole Brought Down to the Present Time, to Which Are Added the Rules and Orders, Together with the Joint Rules of Both Houses of Congress. NY: Clark and Maynard, 1871.
- Liebknecht 1915: Liebknecht, Karl, “Abstimmungs begründung. (Dem Reichstagspräsidenten gemäß § 59 der Geschäftsordnung überreicht). Berlin, den 2. Dezember 1914.” — In: Klassenkampf gegen den Krieg! Material zum «Fall» Liebknecht. Б. м., 1915.
- May 1844: May, Erskine. A Treatise upon the Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament, London, 1844 (1st edition).
- Pierre 1893: Pierre, Eugene. Traité de droit politique, électorale et parlementaire, P.: Librairies-imprimeries réunies, 1893.
- Robert 2012: Robert III, Henry M., Daniel H. Honemann and Thomas J. Balch, eds., Robert's Rules of Order Newly Revised, 11th edition, Philadelphia, PA.: Da Capo Press, 2012.

Robert 2004: Robert III, Henry M., William J. Evans, Daniel H. Honemann and Thomas J. Balch, eds., *Robert's Rules of Order Newly Revised In Brief*, Philadelphia, PA.: Da Capo Press, 2004.

Smith 2013: Smith, Sir Thomas. *De Re Publica Anglorum: A Discourse on the Commonwealth of England*, Cambridge: Cambridge University Press, 2013.